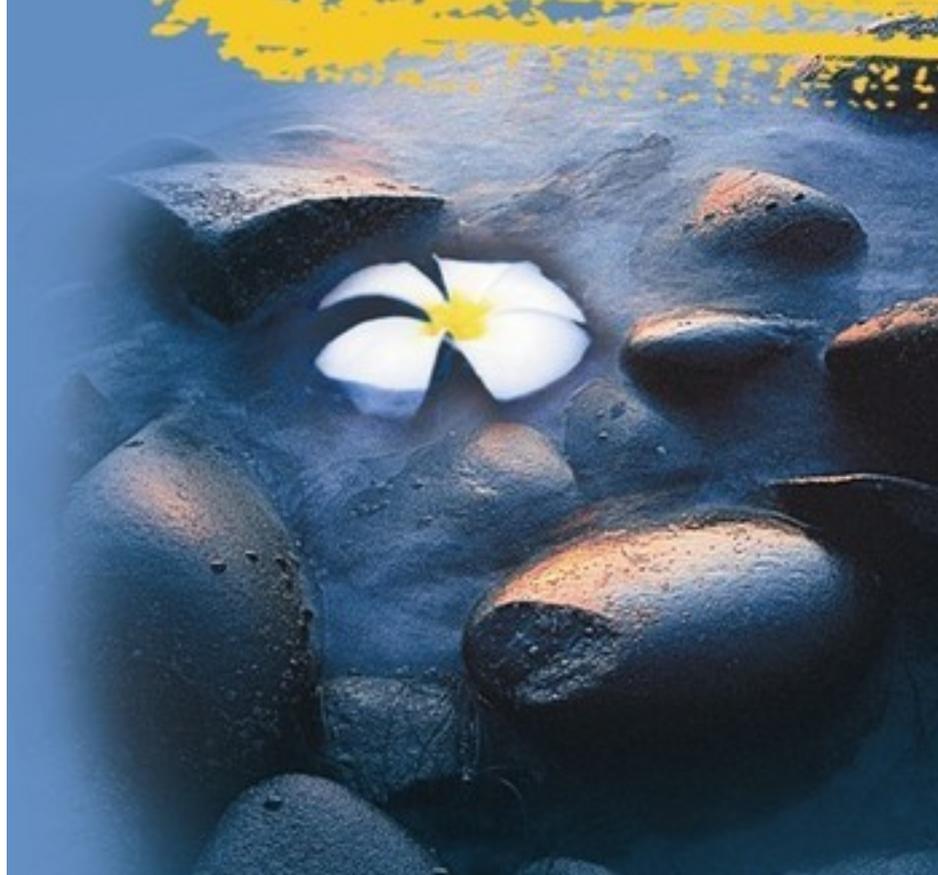

НАТАЛЬЯ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЦЕНТРПОЛИГРАФ

БЕРЗИНА

НЕОКОНЧЕННЫЙ
РЕЙД

Наталья Берзина
Неоконченный рейд

«Центрполиграф»

2007

Берзина Н. А.

Неоконченный рейд / Н. А. Берзина — «Центрполиграф», 2007

В закрытой зоне появилось существо, которое местные жители называют Тварь. Чтобы попасть в опасный район, отважная журналистка Лиза нанимает проводника, бывшего афганца. Вместе они отправляются туда, где не действуют законы цивилизованного общества, где свирепствуют жестокие бандиты и бродит таинственное нечто. Драматизм ситуации пробудил в Лизе страсть к мужественному сталкеру, но он не торопится принять ее чувство...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Наталья Берзина

Неоконченный рейд

Все аэропорты похожи друг на друга. Рев турбин, огромные самолеты, суетящиеся люди, озабоченные предстоящими встречами и разлуками. Эльза спускалась по трапу и даже не пыталась сравнивать очередной аэропорт, куда ее занесла судьба, со всеми прочими аэропортами мира. Как обычно, работа была для нее самым главным. Задание удалось получить только благодаря поддержке Иоганна. Две группы уже вернулись ни с чем, и сейчас Эльза Краузе прилетела одна, как обычная туристка. Все, что нужно, ей предстояло организовать прямо на месте. Компания рассчитывала на нее, это было далеко не первое трудное дело, порученное именно Эльзе. Уж кто-кто, а она способна блестяще справиться с заданием! Все играло ей на руку: и богатый опыт, и превосходная подготовка, и очень неплохое знание местных условий.

Таможенные формальности затянулись на час. Наконец она освободилась и вышла на стоянку такси. Не самая лучшая дорога пересекала захламленный лес и поворачивала к городу. Впрочем, Эльзе приходилось бывать в местах похуже. Она сидела в такси и с интересом смотрела по сторонам. Много до боли напоминало детство. Там, на родине, в прежние времена все было точно так же: разбитые дороги, неухоженный лес и заросшие кустарником обочины. Неудивительно! Когда-то эти пространства были одной страной. Общие черты до сих пор сохранились во всех осколках некогда бескрайней империи.

Машина проскочила несколько транспортных развязок и свернула в город. Эльза была наслышана о жителях этих краев. И как бы ее ни удивляла безмерная вера народа официальной пропаганде, с таким положением приходилось мириться. Впрочем, по большому счету население ее не волновало. Главное, чтобы не мешали. Возложенную на нее миссию она выполнит, как обычно, с блеском.

В фойе гостиницы Эльза Краузе впервые улыбнулась. Ну конечно же, куда без Reception, даже здесь в ходу английское словечко. Можно подумать, что в этой занюханной гостинице постояльцы владеют иностранными языками! Оформляя проживание, стойко выдержала удивленный взгляд администратора. Разумеется, паспорт гражданки Германии той попал в руки впервые. Скромный номер стоил странно дорого для местных условий. К тому же почему-то пришлось расплачиваться полновесными евро. Эльза осмотрела свое временное жилище и пришла к выводу, что все не так уж плохо. В любом случае лучше, чем в Пешаваре, откуда она вернулась месяц назад. Там и воды в номере не было. Здесь наличествовала даже горячая. Приняла душ, распаковала дорожную сумку, развесила немногочисленные вещи и остановилась у окна.

Сумерки опускались на город. Загорались огни. Машины плотным потоком неслись по улицам. Завтра утром она начнет поиски человека, который способен оказать ей помощь. Как ни крути, а мужские руки понадобятся. Она сама многое может, но то, что предстоит сделать на этот раз, обещает неприятные и страшные сюрпризы. Пусть риск разделит мужчина. За него ручался Клаус, а, насколько Эльза разбирается в людях, Клаусу можно верить. Только найти ее будущего помощника непросто. Такие люди меняют имена чаще, чем носки. И вероятность, что за прошедшие три года он не стал мистером Икс, крайне мала. Что ж, если не удастся найти, выход один – вербовать другого. Деньги позволят нанять того, кого она выберет, важно не ошибиться. Но это уже ее забота.

Эльза привела себя в порядок и не торопясь спустилась в ресторан. В полутемном зале гремел заезженную мелодию небольшой оркестр. На танцполе отплясывали какие-то молодые люди, мерцающие вспышки света вводили танцующих в транс. Эльза устроилась подальше от бьющей в уши музыки, сделала заказ, принялась рассматривать публику. Ничего занятного не увидела. Обычные люди, довольно много изрядно подвыпивших, но таковы традиции. Пока

принесли заказ, пришлось дважды отказать пытавшимся пригласить ее на танец, еле стоящим на ногах субъектам. Один оказался назойливым – он не оставлял попыток познакомиться. Что ж! Она знает, как поступать в подобных случаях. Эльза быстро покончила с ужином и поднялась к себе в номер. Поведение аборигена ее не возмутило, к подобному она была готова. В свои двадцать семь женщина была необыкновенно хороша: славянская кровь в сочетании с европейским лоском делали ее неотразимой. Иногда это доставляло определенные неудобства, но чаще позволяло быстрее и качественнее выполнить работу. Клаус предупредил, что ее будущий помощник прочно женат, но Эльза не собиралась представлять перед ним замарашкой, а посему сейчас следовало отдохнуть и выспаться. Все женские уловки хороши, но главное – свежее лицо и, как ни странно, тренированный мозг – то, что мужчины очень редко замечают в женщинах, а не замечая, сами послушно бредут в расставленные ловушки. Она не очень четко представляла, как будет строить разговор с Локисом. Надеялась, что рекомендации и личное обаяние сработают на первом этапе, а дальше оставалось положиться на интуицию.

Засыпая, Эльза вспомнила, как в свое время Иоганн угодил в ее сеть, и мысленно поплодировала самой себе. Если бы тогда она не вышла за него замуж, до своего нынешнего положения в обществе ей пришлось бы тянуться еще долго. Но, даже расставшись с мужем после двух лет совместной жизни, Эльза сохранила с Иоганном дружеские отношения. И то, что теперь он помог ей пробить проект, результат именно тех лет замужества. Впрочем, нельзя сказать, что Иоганн любил ее очень пылко. Вовсе нет. У него постоянно случались какие-то романы и романчики. Эльза старательно закрывала на них глаза, пока не пришла пора заявить о себе как о серьезном специалисте. В компании к тому времени у нее уже сложился вполне определенный и неповторимый имидж. Никто из сотрудников даже не пытался сделать то, что Эльзе удавалось с блеском. В определенных вопросах она была вне конкуренции. Иоганн высказался в ее пользу еще и потому, что ценил бывшую жену как незаменимого работника. Ее план был эффектен и прост. Все предыдущие попытки провалились потому, что основывались на концепции сотрудничества. Стихией Эльзы была свободная охота. Как раз на этом строился ее план. В том, что она проберется в Зону, не было сомнений, гораздо труднее будет вернуться из нее. Именно на заключительном этапе ей нужна была реальная помощь. Конечно, можно было попасть в Зону и из родительского дома, тем более что отношения с семьей заметно улучшились после того, как Эльза вышла замуж, а особенно после того, как она всерьез заявила о себе. Но с родными у нее были определенные сложности. К тому же велика была вероятность, что сам рейд окажется долгим. Конкуренты не дремали, они вполне могли начать проверку витающих в воздухе слухов. Значит, нужно было спешить. На задание отвели две недели. В принципе не так уж и мало, но, если учесть, что большую часть времени придется потратить на поиск, да еще в экстремальных условиях, сроки весьма сжатые.

Утром Эльза пошла в ближайшее адресное бюро. Получила необходимую справку и на всякий случай не стала предаваться безудержному веселью. Все необходимо было проверить.

– Лена! Ты все взвесила? Подумай еще раз, ведь последствия могут быть необратимыми!

– Отстань, мне надоело слушать твои стоны. Будь, наконец, женщиной! Я не стану с тобой жить, и Анка тоже. Неужели до тебя до сих пор не дошло, что мы разведены! Ты для меня никто, понимаешь? Чужой человек!

– Лена, я прошу тебя не делать глупостей! Я любил тебя и по-прежнему люблю. Что тебя не устраивает?

– Все! Ты – самый заурядный неудачник! Чего ты добился в жизни? Конечно, ты самый великий водитель такси! В твоем возрасте люди зарабатывают миллионы, а ты как был никем, так и остался!

– Лена, ты прекрасно знаешь, почему я бросил работу. Вернее, не бросил, меня вышвырнули. Есть вещи, через которые я не имею права переступить.

– Да знаю, ты не можешь поступиться принципами. Только те, которые поступились принципами, теперь занимают ведущие посты! А ты развозишь по ночам пьянь да проституток!

– Лена, ты не права, я стараюсь заработать, и в отличие от тебя, зарабатываю!

– Ты? Ты зарабатываешь? Пожалуйста, не смей меня! На те жалкие гроши, которые ты приносишь в дом, можно еле-еле существовать! Жить – нельзя! Анка ходит как последняя оборванка, мы вынуждены одеваться на рынке, потому что денег не хватает даже на приличное белье!

– Лена, вы с Анкой одеваетесь не хуже других!

– А должны – лучше! Моей дочери восемнадцать лет! Ей нужно выйти замуж! А как это сделать, если она стесняется пойти в приличную компанию? Бедный ребенок боится, что ее осмеют!

– Прости, приличная компания – это те, что разъезжают по казино на подаренных папочками «мерседесах»?

– Хотя бы и подаренных! Что здесь такого?

– Ничего. Просто я не могу пойти против совести.

– А Зимский пошел – и теперь он правая рука по вопросам информации. Вспомни, вы ведь начинали вместе! Учились в одной группе! Кто ты! А кто он!

– Он и когда учился – был подонком.

– Зато теперь он богат и знаменит! Его дочка не нуждается в самом необходимом!

– Я предлагал уехать вместе. В Москве у меня есть друзья. Можно будет начать все сначала. Первое время придется трудно. Но я знаю эту работу, и меня там помнят.

– Нет. Никакая Москва мне не нужна. Я не согласилась ехать в Москву пять лет назад, не хочу и сейчас.

– Тогда ты говорила, что тебе не с кем оставить родителей, а теперь что? В Москву уехать невозможно, а улететь в Австралию – запросто?

– Какое тебе дело, куда мы улетаем! Я тебе сказала, что выхожу замуж, а там, глядишь, и Анке подберем хорошего мужика.

– Какого мужика, Лена, сама подумай, она ведь даже языка не знает! Если ты с горем пополам можешь три слова связать, у Анки с твоей подачи с пятого класса на уме только мальчики были! Где уж ей учиться!

– Тебя это совершенно не касается! Я все решила.

– Как знаешь. Я тебе в замужестве не советчик. Только мне непонятно: ты ведь его совершенно не знаешь. Как ты собираешься ложиться с ним в постель?

– Так же, как и с тобой. Молча.

– Но ведь мы любили друг друга, а с ним ты знакома только по переписке!

– Ничего! Стерпится – слюбится. Главное, чтобы он меня любил. А теперь убирайся, мне нужно вещи собирать!

После возвращения из Пешавара Эльза, не дав себе расслабиться, отправилась в Брюссель. Именно там случай снова свел ее с Бачу. Они столкнулись в гостинице, обрадовались встрече и, поскольку оба оказались не слишком заняты в тот момент, вместе пообедали. За обедом Эльза рассказала Михаю о своих планах и посетовала, что не знает, к кому обратиться за помощью. Ход был с ее стороны не слишком тонкий, но она знала, что связи Михая фантастически обширны.

– Значит, вы решили рискнуть и в очередной раз прославиться? – усмехнулся Михай, внимательно выслушав Эльзу.

– Разве в этом есть что-то плохое? Такова моя работа! – легкомысленно ответила она.

– Нет, ничего плохого, – согласился он. – Каждый выбирает работу по себе.

– Я довольна своим делом. У меня есть только одна проблема: я не представляю, к кому обратиться. Мне ведь понадобится помощник, проводник. Охранник, в конце концов. Кто будет защищать бедную девушку?

– Насколько я знаю эту девушку, она способна защитить себя сама лучше, чем это сделают десять профессиональных телохранителей! – в очередной раз усмехнулся Михай.

– Бросьте, Михай, когда это было! Мне в самом деле нужен человек там. Одной не справиться.

Он задумался.

– С тех пор как в стране на меня объявили охоту, я там не появляюсь. Хватает хлопот и без них. Единственное, что могу посоветовать, – в Ганновере есть автомеханик Клаус Ноэль, попробуйте поговорить с ним. Может быть, он что-то подскажет.

– Михай, до меня дошли слухи, что вы женились.

– Да, действительно. Три года назад. И не поверите: до сих пор счастлив!

– Кто она? Я слышала, какая-то профессорша?

– Надо же, даже это известно! Да, моя жена – выдающийся врач, нейрохирург, профессор, доктор медицинских наук. Но сейчас она отошла от дел. У нас маленький сын. Ему скоро исполнится два года. Парнишка в мать, – с непередаваемой нежностью стал рассказывать Михай. – А как вы? Замужем?

– Была, да развелась, но с мужем мы остались друзьями.

– Это замечательно. Не понимаю, почему после развода обязательно нужно враждовать! Всякое бывает. Ну, не сошлись характерами, не смогли ужиться вместе. Зачем объявлять войну?

– Я думаю, такое происходит, когда замешаны имущественные интересы.

– Простите, Эльза, мы оба выросли в одной стране, там почти никогда не расстаются по-доброму. Вечно склоки и разборки. Не могу понять – зачем? Развод ведь не конец жизни! Каждый может начать новый виток, найти себе лучшую пару и жить, не обижая других!

Эльза согласно кивнула:

– Я думаю, там люди озлоблены нищетой и беспросветностью. Лично я не хотела бы пережить подобный жизненный кризис. Разводилась довольно легко. У нас обоих не было особых претензий. Спокойно сели, обсудили все вопросы, подключили адвокатов, и вопрос был решен. А вы, Михай, надолго в Брюссель?

– Завтра возвращаюсь во Францию. Здесь все дела решены. А когда вы собираетесь в Зону?

– Как закончу дела в компании и свяжусь с Клаусом.

– Вы, Эльза, поберегите себя. – Михай тревожно и мягко посмотрел ей в глаза. – Никто толком не знает, что там происходит. Почти двадцать лет прошло после катастрофы, а фон, насколько мне известно, довольно высок. Вы хотя бы средства защиты с собой берете?

– Будем решать на месте. Слишком близко к эпицентру я подходить не собираюсь. То, что меня интересует, скорее всего, нужно искать в болотистых лесах или возле рек.

– При условии, что это существует, – закончил проницательный собеседник.

– Слишком много косвенных данных говорит о том, что существует. Да и спутник подтверждает наличие объекта.

– Он настолько велик?

– Масса – более двухсот килограммов.

– Солидно. Вполне реальный риск.

– Вот потому мне и необходим напарник, – кивнула Эльза, – причем из местных.

– Обязательно поговорите с Клаусом. А теперь, простите, мне пора. Желаю удачи и успешного возвращения.

Эльза распрощалась с Михаем и тем же вечером направилась в Ганновер. На следующий день в полдень она разыскала мастерскую Клауса Ноэля. Русоволосый подтянутый мужчина средних лет встретил Эльзу у ворот.

– Проблемы, фрейлейн? – спросил он.

– Не слишком большие, но ваша помощь мне пригодилась бы, – задорно улыбнулась Эльза. – Я привезла вам привет от Михая Бачу.

– Простите, не понял? – невозмутимо переспросил мужчина.

– Если вы Клаус Ноэль, это имя вам известно. Меня зовут Эльза Краузе. Я хочу обратиться к вам за помощью.

– Очень интересно, в чем она будет заключаться?

– Вернее, это не помощь, это скорее совет. Дело в том, что мне необходимо попасть в Зону.

– Вы имеете в виду именно ту Зону? – Мужчина посмотрел на нее недоверчиво.

– Вы не ошибаетесь. Но одной мне это будет сделать несколько затруднительно.

– Насколько я понимаю, вы представляете чьи-то интересы. Почему тогда ваша организация не позаботилась о достойном прикрытии?

– Организация, как вы выразились, неоднократно пыталась действовать официальными путями. Попытки были безуспешны. А нам необходимо туда попасть. Считайте, что это крайне важно не только для организации, но и для меня лично.

– Вы хотя бы представляете местные условия? Чтобы нормально функционировать в тех краях, необходимо знать язык. Кроме того, население вокруг Зоны запугано властями. Вас немедленно передадут соответствующим органам, и вы вылетите из страны, как пробка из бутылки шампанского.

– Положим, языком я владею в совершенстве, в том числе и ненормативной лексикой. – Эльза перешла на русский и разразилась такой многоэтажной тирадой, что Клаус невольно улыбнулся.

– Ясно, вы сами оттуда, да и приехали относительно недавно, – кивнул он. – Но это облегчает дело лишь отчасти. Откуда вы собираетесь попасть в Зону?

– С севера, так будет короче. Мне, собственно, нужен человек, который сможет помочь, прикроет спину в случае необходимости. Надежный напарник. Среди моих коллег такого нет.

– Уж не собираетесь ли вы вербануть меня?

– Нет, Клаус, что вы. Просто я надеюсь, что у вас там есть кто-то, кто сможет помочь за соответствующее вознаграждение.

Клаус задумался.

– По правде говоря, Эльза, я даже не представляю, что посоветовать. Я ведь, как и вы, никого не знаю там. Хотя... есть один человек... не знаю, подойдет ли он вам, а главное, не знаю, согласится ли. У меня нет его адреса или каких-то координат. Только имя и, предположительно, город, в котором он может проживать. Это единственное, чем я могу вам помочь.

– Хотя бы этим. Если человек существует в природе, отыскать его можно.

– Я не слышал о нем уже три года, он вполне мог сменить не только город, но и имя. Тем более что Казимир привык менять псевдонимы. Однажды судьба свела нас вместе, он тогда был журналистом, но подготовка у него не хуже, чем у спецназовца. У меня сложилось о нем хорошее впечатление. Главное достоинство – надежен. Попробуйте его найти. Если повезет, лучшего напарника вам не сыскать.

– Где он может быть?

– В столице той самой страны, в которую вы направляетесь. Насколько мне известно, власти его активно не любили. Зовут человека Казимир Станиславович Подвойский. По крайней мере, именно так его звали в прошлом.

– Я могу сослаться на вас?

- Боюсь, мое имя ему ничего не скажет.
- Все равно, большое спасибо.
- Не за что. Прощайте, Эльза, удачи!
- И вам всего хорошего, Клаус.

Украшенный желтой полосой «фольксваген» послушно заурчал мотором, неторопливо вырулил со двора. Казимир выехал на проспект и направился к обычному месту работы. Множество офисов и контор, расположенных в этом районе, давали возможность относительно успешно начать трудовую ночь. С тех пор как жена перестала делить с ним постель, Казимир привык работать по ночам. Поначалу жена придумывала различные причины, но после одного серьезного разговора заявила, что как в мужчине в нем не нуждается. Несколько ночей он провел на крошечной кухне, затем, убедившись, что выспаться не удастся, стал выезжать на работу по вечерам. Благо днем у него всегда была возможность отдохнуть: жена с дочерью в это время отсутствовали. В маленькой двухкомнатной квартирке в спальном районе днем царил тишина. Больше двух лет тянулась эта непонятная Казимиру жизнь, пока Лена не подала на развод. Он понимал: все идет к этому, но смириться не мог, пытался убедить ее не делать глупости, предлагал наладить жизнь. Лена была неумолима... А теперь это известие, что они уезжают с Анной в Австралию...

Казимир понимал, что изначально вел себя с женой слишком мягко, но иначе просто не умел. Полюбив однажды, всю жизнь старался создать для жены комфортные условия... Теперь оставалось пожинать плоды... Лена никогда не желала понимать, что творится на душе у мужа. В доме ее родителей всем руководила деспотичная мать, теперь в отношениях с Казимиром Лена копировала ее даже в мелочах.

...Первого пассажира Казимир взял на подъезде к Октябрьской площади. Отвез в Зеленый луг. Там его остановила девушка – спешила на железнодорожный вокзал. Вечер начинался совсем неплохо. До девяти часов попало несколько клиентов, в кармане приятно похрустывали купюры. Выезжая из Малиновки, Казимир заехал на заправку. Перекусил в бистро. Собрался было уезжать. К машине вдруг подошли двое парней. Судя по одежде – не местные. У одного руку оттягивала большая спортивная сумка.

- Шеф, до Смолевичей отвезешь? – спросил тот, что повыше.
- А денег у вас хватит? – поинтересовался Казимир.
- За бабки не беспокойся, все при нас, – кивнул парень с сумкой.
- Ребята, я сразу предупреждаю, беру за два конца, мне порожняк гнать не с руки.
- Не бойсь, шеф, заплатим. Мало не будет, – пробормотал парень с сумкой, нетерпеливо дергая дверь.
- С сумкой в салон не лезь, в багажник положи, – остановил его Казимир.
- Ты чего? – возмутился парень. – У тебя в багажнике черт-те что лежит, а я сумку туда должен бросать?
- Я тебе понятно сказал? Или в багажник, или ищите другую машину. И деньги покажите, – твердо сказал Казимир, пряча ключи в карман.
- Ладно, сам просил. Держи, – как-то очень уж спокойно обронил высокий и выхватил из куртки нож.

Все остальное произошло в считанные секунды. Сверкающее лезвие еще продолжало движение в незащитный живот Казимира, а хозяин ножа уже захлебнулся воздухом, получив прямой удар в горло. Пируэтом, уйдя с траектории полета ножа, Казимир с разворота вломил ногой в кроссовке в грудь обладателя сумки. Тот утробно выдохнул, отлетел к стоящему поодаль мусорному баку, ошутимо приложился к нему спиной и сполз на заплыванный асфальт. Высокий стоял на коленях и судорожно пытался протолкнуть густой и вязкий воздух в легкие. Казимир окинул взглядом окрестности, скользнул в машину и спокойно тронулся с места.

Старая закалка выручила из беды. Сколько с ним было подобных случаев! Но опыт, полученный в разных горячих точках, никогда не подводил. Казимир не играл в благородство с реальным противником. Именно для подобных субъектов в спинку его сиденья был установлен стальной лист, а подголовник устроен так, что ни одна удавка становилась не страшна. Рассудив, что стрелять в машине вряд ли будут, Казимир тем не менее принял все меры к тому, чтобы остаться в живых. Потому так спокойно разъезжал он по ночным улицам. Хотя однажды попал в оборот. Сопливая девчонка пшикнула в глаза из газового баллончика. Благо двери были закрыты на центральный замок. Им хватило обоим. Кое-как добрался до отделения милиции. Сдал девицу по всем правилам.

После одиннадцати наступило временное затишье. Казимир припарковался у одного из ресторанов и задремал, чуть откинув спинку сиденья.

Вспоминая встречу с Клаусом Ноэлем, Эльза набирала номер, полученный в адресном бюро. Ответила женщина. Но, узнав, что хотят услышать Казимира, не стала разговаривать и бросила трубку. Эльза растерялась, но потом подумала и решила, что не все потеряно. Остановила такси, поехала по указанному адресу. Нужная улица была расположена недалеко от гостиницы. Старые панельные дома с облупившейся краской, выбитые двери подъездов, вытоптанные газоны. Удивительно: совсем рядом проходила оживленная улица, чистая и светлая, а чуть поодаль – такое убожество! Между тем и здесь жили люди. Эльза вошла в загаженный подъезд, осторожно, словно по минному полю, пробралась до лифта. Потом быстро сообразила, что ожидать его бессмысленно. Кабина давным-давно застряла на неизвестном этаже и приржавела намертво. Она поднялась по заброшенной отходами и мусором лестнице на седьмой этаж. Перевела дух и позвонила в относительно благополучную, по крайней мере, заботливо обитую дверь. Дверь открылась бесшумно. На пороге возникла потрясающе красивая девушка с пустыми глазами.

– Вам кого? – не прекращая жевать резинку, спросила она.

– Мне нужен Казимир Станиславович Подвойский, – ответила Эльза, стараясь сохранить официальный тон.

Девушка, не говоря ни слова, повернулась, прошла по коридору, толкнула дверь комнаты.

– Родитель! К тебе! – крикнула она и, повиливая роскошными бедрами, удалилась в глубь квартиры.

Эльза вошла в прихожую. «Чистенько, уютненько, скромненько, – отметила про себя. – Только зря я сюда приехала, этот человек мне явно не подходит. Или Клаус ошибся, или это просто однофамилец. Сейчас выплывет любитель дневного сна в растянутых трениках, с висющим до колен пивным пузом и вонью нечищенных зубов».

...Мужчина, появившийся на пороге комнаты, был немного выше среднего роста, жилистый, подтянутый, словно свитый из тугих канатов, потрепанные джинсы ладно сидели на его крепких бедрах, туго обхватывая сильные ноги, майка без рукавов открывала длинные мускулистые руки.

– Здравствуйте, я Подвойский. С кем имею честь? – произнес он приятным, чуть глуховатым голосом.

– Здравствуйте, я к вам от... Простите, вы мне нужны по делу. Мы сможем поговорить? – растерянно сказала Эльза. Она не ожидала увидеть ничего подобного.

Вовчик решил бежать. Другого выхода у него попросту не было. Или идти в ментовку самому, или ждать, пока его найдут. А в том, что его найдут, Вовчик не сомневался. Это не прошлый раз, когда мамка его отмазала! Вернее, не совсем: она до сих пор платит той дуре, которая подставилась. В этот раз дело сложилось совсем кисло. Нужно же было этой корове сунуться под удар! Ведь он не хотел ее убивать! Просто так легла карта! По сути, он и не вино-

ват вовсе! Ну, выпили, ну, захотелось с девчонкой покувыркаться, подумаешь, велика беда! Этот козел сам попер на них. Сам завел девку ночью в парк. Еще дергаться начал. Можно подумать, крутой, а сам – отстой полный! Клина он положил, но Вовчик, получив серьезную тычку, наткнулся на ту бутылку. Он не собирался убивать, хотел только припугнуть. Сейчас уже не просечь, была она разбита или он сам жажнул ее о камень. Ну и махнул «розочкой». Надо было телке на пути стать. Жуть! Кровища из горла фонтаном. Всего залило. Шмотки потом пацаны подсказали сжечь. Оно и правильно. Дернули они оттуда, да ведь тот хмырь остался! Теперь выход только один – валить из города. Мамка ни за что не простит. Эх, был бы жив батя! Он в разных переплетах бывал. Если б он тогда не замерз по пьяной лавочке, он помог бы!..

Вовчик любил батю. Сколько себя помнил, столько любил. Хотел стать таким же, как он: сильным, смелым, крутым. Ну и что, что у бати жизнь не сложилась, в этом мамка виновата. Батя был боксером, мастером спорта. Дрался так, что на трибунах визжали. А потом пришлось уйти с ринга. Дальше жизнь пошла наперекосяк. Батя, как выпьет, рассказывал Вовчику, каким он был бойцом. А какие бабы у него были! Угораздило ж его жениться на мамке! Любовь, говорит, была. Ну! И где теперь та любовь? Батя землю парит, а мамка как жила, так и живет. Хотя... от того случая она Вовку отмазывает до сих пор... Та дура тоже была хороша. Вместе пили, было весело, а потом она говорит: домой надо. Пошли провожать – все вместе. Еще выпить взяли. Родаков на хате не оказалось. Ну и понеслось. Ведь сама хотела! А через день повестка. В ментовку вызывают. Мол, так и так, групповуха, кто крайний, становись в очередь. Мамка тогда с Вовчиком пошла. Выла по-страшному. Кое-как с дурой договорилась. Денег дала. Обидно, что Вовчик сам не помнит, было у него что с той дурой или не было. Пьяный был.

А теперь нужно бежать. Пацаны подсказали, где можно в осадок выпасть. В тех краях много крутых пацанов пересиживали. Жутковато, но все клеветее, чем на зоне. Тем более что Вовчик имел все шансы загреметь во взрослую. Начинать с конкретными паханами ему не хотелось. Вот если бы Янку уломать, все было бы путем. Да и в натуре, что Янку тут держит? Старики? Так мамка у нее пашет, и предок тоже, ну и пусть себе остаются!

Вовчик с Янкой уже полгода живут как муж с женой. Ничего, что Янке только шестнадцать, она девка умная, расторопная. Даже теперь резинки с собой носит, чтоб не залететь. Правильно, на фига им сейчас бебики? Вот отслужит Вовчик в армии, устроится на работу... Хрена лысого он теперь отслужит! В бегах ни один военком его не достанет!..

Вовчик хотел позвонить Янке, да вовремя вспомнил: телефон уже неделю как отключен, за неуплату. Пришлось шкандыбать копытами: денег на проезд не было.

Янка сидела за швейной машинкой. Она и ждала, и боялась его прихода. Знакомые пацаны рассказали, что случилось. Как помочь любимому – девушка не представляла. На беду, та девица оказалась дочкой какой-то шишки. Милиция землю роет, чтобы найти Вовчика. Ему нужно где-то укрыться. Пацаны предлагают бежать. Но про то место, где укрыться можно реально, рассказывают разные ужасы. Сможет ли он там выжить? Да и деньги нужны: купить еды, одежду, на дорогу – не пешком же идти!..

– Янка, твои дома? – прямо с порога спросил Вовчик.

– Нет, мама на рынке, а отец снова в больнице. Вчера вечером так прихватило, что не знали, доживет ли до «скорой». Ты не стой в дверях, проходи, – выпалила Янка.

– Послушай, тут такое дело... Денег мне надо, много...

– У меня нет. Мама жалуется: торговля совсем слабая, хозяин сам не знает, то ли продолжать торговать, то ли закрыться на время. Да и отец болен. На лекарства уйма денег уйдет. Откуда взять, сами не знаем.

– Ты что, меня же ищут, а ты про лекарства! Занять можешь?

– Я не думала. А сколько тебе нужно? – Янка растерянно оглянулась по сторонам.

– Много. Баксов сто.

– Что ты, Вовчик, откуда столько! – ужаснулась девушка. – Я если смогу занять, то десятку-другую.

– Ими только подтереться. А впрочем, достань сколько сможешь, – согласился он. – Знаешь, Янка, давай со мной! Вместе веселей!

– Какое тут веселье – от милиции бегать! – настороженно нахмурилась она. – Может, тебе лучше самому сдать? Говорят, так можно срок скостить.

– Ага, скостят тебе! Навешают – мало не покажется! Хилять надо по-скорому! Пока не нашли! Бежим со мной, Янка! Или ты меня уже не любишь?

– Люблю, Вовчик, жить без тебя не могу, но как же родители, что подумают? Ведь я не смогу с ними связаться, сообщить, где мы!

– Думать некогда, едем! – стал настаивать Вовчик. – Что ты видела в жизни? Школу да эту долбаную швейную машинку? Мир посмотришь! Не вечно же мы будем прятаться! Отсидимся, а по осени рванем к морю! Ты же в море никогда не купалась! Говорят, там классно! Твоя мамка когда должна заявиться?

– Часам к четырем. А что?

– А то, что в четыре нас здесь уже не должно быть!

– Вовчик, миленький, как же так? Страшно ведь! Как мы будем жить?

– Весело! Собирай манатки – и валим.

– А деньги? На дорогу нам деньги нужны!

– Забирай, что есть!

– У мамы? Но как же она здесь? Ведь отцу нужны лекарства!

– Она найдет, займет где-нибудь.

Янка принесла из комнаты матери тонкий конвертик. Вовчик выхватил его из рук подружки. Быстро пересчитал купюры.

– Негусто, но ничего. На первое время хватит. Ты шмотки бери самые необходимые, остальное добудем.

Через час Вовчик с Янкой уже сидели в кабине грузовика, который уносил их на юг.

...Тарас никуда не спешил. Поглядывал на облака и ладил старую, в дырах, сеть. После катастрофы он, как и все, попал под выселение. Почти год прожили в общежитии, оборудованном в бывшей школе. Существование оказалось невыносимым. Хотели поехать к детям. Но ни у сына, ни у дочери жить было негде. Дочка с мужем и малолетней Верочкой ютились в заводском общежитии. А у сына хоть и была двухкомнатная квартира, зато и детей было двое. В общем, они с женой решили наплевать на запреты и вернуться домой. Оказалось, что сделать это совсем не просто. Дважды их заворачивали патрули, в родное село удалось пройти лишь с третьего раза, ночью. Добрались, а на рассвете ужаснулись: половина домов была разрушена, а те, что остались целыми, зияли черными дырами окон и выбитых дверей. Их родной дом оказался разграблен дочиستا. Только ветер гулял по заваленным непригодным тряпьем и осколками битой посуды комнатам.

...Тарас оставил рыдающую жену на опустевшем подворье и отправился в лесничество, в котором работал до катастрофы. Лес неуловимо изменился. Дорога поросла травой. По ней, очевидно, не ездили с того самого, перевернувшего их жизнь дня. Местами на колеях стал пробиваться кустарник. Странно, но поросль выглядела так, словно ей было не меньше пяти лет...

Через час Тарас увидел здание лесничества. Дом был по-прежнему крепок, с целыми стеклами и с виду не тронут мародерами. Хозяйственные постройки уцелели. Площадка перед домом поросла высокой травой. Тарас собрался подойти поближе, но его внимание привлек странно знакомый звук: где-то недалеко проблеяла овца. Осторожно, шагом опытного охотника, он обошел поляну, на которой раскинулись и здание лесничества, и бревенчатые сараи,

и обнаружил источник звука. Возле хлева паслось с десятков овец и не меньше дюжины ягнят. Могучий баран застыл на пригорке и прислушивался к доносящимся из леса звукам. Ни малейших признаков присутствия человека Тарас не заметил. Каким чудом здесь оказалась эта маленькая отара во главе со старым бараном, оставалось загадкой. Тарас решил, что гадать будет потом, обогнул по широкой дуге хлев, подошел к зданию лесничества. Красный от ржавчины замок на дверях красноречиво свидетельствовал о том, что за весь прошедший год люди тут не появлялись.

Тарас потрогал замок, уже не раздумывая, подергал окно справа. Рассохшаяся рама задрожала и понемногу начала открываться. В образовавшуюся щель удалось просунуть веточку. Крючок откинулся в сторону, из распахнувшегося окна пахло запустением. Он легко перемахнул через подоконник, оглядел пустынную комнату. Стулья, покрытые толстым слоем пыли, в рядок у стены. Следы мышей на грязном полу. Чей-то старый бушлат на крюке у двери. Никого. Прошел по скрипучим грязным половицам, подергал дверь... Заперта. Отыскал за притолокой запасной ключ, отпер замок, вошел, уныло посмотрел на заваленный бумагами стол, бесполезный телефонный аппарат. Распахнул дверь в свой кабинет. Все как и год назад. Только тоскливый запах тлена да пушистый слой пыли говорили о пролетевшем времени.

Обследовав все комнаты, он пришел в себя и даже нашел повод для радости: на кухне сохранилась посуда, а в огромной кладовой – весьма солидный запас соли, слежавшейся в камень... А вот до сахара добрались мыши... Расстроился он только у двери оружейной комнаты: за толстой, обитой железом дверью было несколько ружей, патроны и запас пороха, но ключи от замка хранились в сейфе, и добыть их не было ни малейшей возможности. В комнате отдыха нашлись постельные принадлежности. Хотя и заплесневелые, но это не беда. Жить можно. В поруганном, обезлюдевшем селе росла картошка, в лесу было полно дичи, а в реке – рыбы. Так что дела обстояли не так уж и плохо...

Тарас забрал ключи, закрыл окно и, вооружившись остро отточенным топором, вернулся к жене. За время его отсутствия Мария успокоилась, собрала в разграбленных домах пригодную утварь и теперь ожидала мужа, сидя на крыльце их бывшего дома. Непривычно тихо было в селе. Не кудахтали куры, не мычали коровы, бабы не судачили у колодца. Даже собак не было слышно. Только сиротливо поскрипывали раскачиваемые ветром двери, да время от времени гулко гремел лист железа на развороченной крыше.

– Вот такая у нас с тобой будет жизнь, Маша, – вздохнул Тарас, присаживаясь рядом. – Не жалеешь, что вернулась?

– Нет, Тарас, только горько, что все прахом пошло. Мы свое уже пожили, нам с тобой бояться нечего. Если сразу не померли, будем доживать на родине.

– Оно-то так, – согласился он, – да только начинать жизнь придется с нуля, как первым людям.

– Ну и что? Глядишь, не мы одни, может, кто еще подтянется. Возродим село. А там и наладим жизнь...

– Видно будет. Давай мы с тобой пока в лесничество переберемся. Я там был, там все цело, жить можно.

– А тут как же? А барахло куда?

– Что-то сейчас унесем, остальное после. Мы здесь одни.

До самой темноты Тарас с женой обустраивали новый дом. А вечером истопили баньку. Выпарились, вымылись, затем по обычаю сели за стол. В кабинете нашлось несколько бутылок коньяка. Еды, привезенной с собой, должно было хватить на неделю, а то и на две. Пережитое в родном селе крепче сплотило Тараса и Марию. Впервые за последний год у них была ночь любви. Они отдались позабытому чувству, словно в самом деле остались последними людьми на земле... Будто от их страсти, их неистовости зависело будущее...

На следующий день началась ставшая на долгие годы обычной жизнь. Ежедневная борьба за выживание... Овец удалось прибрать к рукам, зарезав барана. Мясо его засолили и закоптили впрок. Зато у них появилось молоко и своя – пусть небольшая – отара. Вскопали крошечную делянку перед домом, посадили репу, картошку, свеклу, посадили капусту.

Почти два дня Тарас прорубал дверь оружейной. Наконец добрался до цели. В хозяйстве появилось сразу три ружья и солидный запас готовых патронов, а уж пороха и капсюлей оказалось вообще немерено! Поправили бочки, Тарас начал охотиться и солить мясо на зиму. До зимы успели подготовить все необходимое для жизни. Зима выдалась не слишком суровой. А по весне удалось солидный участок засеять рожью. Так и тянулось время, пока через четыре года отшельнической жизни Тарасу и Марии не пришлось столкнуться с суровой реальностью: на их земле стали появляться люди... А затем и не только люди...

...Гвоздь уже не помнил, почему он сбежал тогда из части. Служить оставалось всего ничего, каких-то полгода. Просто достало. Да еще ротный, заступивший вместе с ним в караул, что-то ляпнул не по делу. Вот Гвоздь и сорвался. Ударил прикладом точно в висок. Ротный даже не пискнул. Лег тихонько, только ногами подергал. Тогда ему пришлось положить всех. Первую машину он угнал прямо из части. Загрузил в нее пять автоматов, боекомплект – и дал ходу. Дружок его, Лешка Гнус, увязался с ним. Потом они меняли машины и не жалели патронов, как, впрочем, и людей. Их учили убивать, и они косили всех встречных. Повезло, удалось укрыться здесь. Последнюю машину бросили в двух сотнях километров к востоку. Утопили в реке вместе с остывшими телами водителя и его бабы. Повеселились тогда, слов нет! Напоследок насмотрелся мужик, на что способны оголодавшие пацаны. Да и бабенка оказалась сладкая. А дальше – лесами, стараясь не наследить, добрались сюда. Народец, как ни странно, в этих краях обитал, причем разный. Были и безобидные дойные коровы, дававшие и жратву, и самогонку за один вид «калаша». Были и такие, что даже подойти страшно. Один такой деловой засадил вчера Гнусу жакан в бедро. Лучше бы уж в голову или в грудь. А так – возись теперь с ним! Рана загноилась, воняет...

– Гвоздь, пить дай, – простонал раненый.

Гвоздь бросил напарнику фляжку. Гнус пошарил вялой рукой, нащупал алюминиевый бок фляги, подтащил к себе и, отвинтив дрожащими пальцами пробку, сделал несколько глотков.

Крошечная избушка, неизвестно кем и для чего срубленная из толстых сосновых бревен на берегу узкой неглубокой речки, стала их домом два года назад. До этого, как правило, жили в брошенных деревнях. Но туда стали возвращаться люди, а следом за ними наведываться милиция. Гвоздь с Гнусом перебрались в глушь. Тут их никто не трогал.

– Слышь, Гнус, может, ты пулю выковыряешь? А то сгниешь заживо. Рану почистить надо!

– Не смогу я, ослаб. Да и водки нет, чтобы промыть.

– Ты скорее глотку промоешь, чем рану, – захохотал Гвоздь. – Я тебе серьезно говорю, достань пулю. У тебя нога уже синяя и воняет.

– Сил нет. Попробуй сам, Гвоздь, очень прошу.

– Не, я не стану. Противно. Твоя нога, твоя пуля. Сам поймал, сам лечись. Хватит того, что я тебя сюда припер.

Гвоздь закурил самокрутку, забросил ноги в разбитых сапогах на ящик, служивший им столом, устался в потолок. «Как ни крути, а Гнуса придется кончать. Жаль, патронов осталось мало, меньше сотни. Хотя если экономить – то на год, а то и на два хватит. Нужно будет у туземцев ружьишко добыть. Раньше брезговали, а теперь уже не то время. Без оружия – верная смерть. Главное, по дурости не схлопотать, как Гнус. Ладно, пусть до вечера поживет, а там ножом – и в речку, раков кормить. Раки тоже кушать хотят. Эх, жаль, бабы давно не попада-

лись...» – тоскливо думал Гвоздь, пуская дым в потолок. Докурив, затушил бычок, хлопнул дверью, вышел из избушки. Понял, что остался один, и теперь прикидывал, как быть дальше.

Вырос Гвоздь почти сиротой, отца его никто не знал, даже собственная мать. Да и что она вообще могла знать, практически никогда не просыхающая пьянь! В двенадцать попал в детдом. Хорошую школу прошел, как только на зону не попал, непонятно. После ПТУ – сразу в армию. Гордился собой со страшной силой. Десант, разведрота. Только позже понял, что там собрали вовсе отморозков, да и ротный был ничем не лучше. За что и получил. Гвоздь, привычный к непрерывной городской войне, быстро освоил все премудрости разведроты. Сильный, выносливый, он ни разу не блевал на марш-бросках, стрелял лучше всех, а в рукопашном ему не было равных. Одна беда – Гвоздь был без тормозов. Но теперь это было даже лучше. Он навел шорох на туземцев, ему исправно платили дань. Жить можно. Только скучновато одному. Вот если бы девку завести, такую, чтобы была умелая да ласковая... Только где ее найти?... Правда, можно прибиться к кому-нибудь, здесь люди разные живут, есть и лихие, почти такие же крутые, как он.

Прошлогодня хвоя шуршала под ногами, Гвоздь шел размашистым скользящим шагом. Автомат с перевязанным изолянткой прикладом привычно оттягивал плечо. Выцветший, грязный, изодранный камуфляж делал его почти неразличимым среди деревьев. Незаметно для себя вышел к заброшенной деревушке. Звериным чутьем ощутил присутствие людей. Крадучись подошел ближе. Скрылся за кустарником, начал предельно осторожно приближаться к дому, над трубой которого в синее небо мирно поднималась струйка дыма.

Заколоченные обомшелыми досками окна не позволяли рассмотреть, кто в доме. Передернул затвор, перебежками добрался до стены, прижался спиной к теплой деревянной поверхности, очень медленно начал двигаться к распахнутой двери. Замер у сгнившего крыльца, услышал приглушенный разговор. Говоривших было двое, но разобрать не удавалось ни слова. Держа автомат по науке, под углом в сорок пять градусов, Гвоздь переметнулся под разросшийся куст цветущей сирени и словно растворился в нем. В доме слышались шаги... Кто-то приближался к двери...

– Вот такая у меня задача, – закончила свой рассказ Эльза.

– Вы сами-то верите в это? – недоверчиво спросил Казимир.

– Скорее да, чем нет. Так вы согласны мне помочь? – Эльза окинула взглядом небольшой скверик, в котором они беседовали.

Казимир помолчал. Вдохнул. Потом тихо спросил:

– Знаете что, фрау Эльза, я согласен. Только нам придется договориться насчет аванса.

– Это не проблема. Аванс, то есть половину вашего гонорара, я отдам вам, как только мы выедем из города.

– Согласен, когда мы выезжаем?

– Лучше всего – прямо сейчас. Вернее, как только вы будете готовы, – уточнила Эльза.

– У меня есть полчаса на сборы? – Казимир встал со скамейки.

– Разумеется. Мне тоже нужно полчаса. Где здесь можно взять такси?

– Если вы согласитесь подождать меня, такси вам не понадобится, я сам – такси. Причем денег за дорогу по городу с вас не возьму, – с открытой и невероятно обаятельной улыбкой сообщил Казимир.

– Мне ждать здесь? – обрадовалась Эльза. Казимир ей с каждой минутой нравился все больше.

– Думаю, ждать удобнее в машине, она стоит возле дома. Идемте, фрау Эльза.

Казимир поднялся в квартиру и вытащил старую дорожную сумку. Быстро собрал вещи. Немного подумал, достал из сейфа охотничий карабин, внимательно осмотрел его, сунул в

чехол, бросил в сумку пять пачек патронов, пузырек с ружейным маслом и тяжелый охотничий нож в кожаных ножнах.

– Ты куда? – спросила Лена.

– Уезжаю, на неделю, – буркнул Казимир, даже не оглянувшись на жену.

– Как это – на неделю, у меня же самолет послезавтра! – возмущенно воскликнула Лена. – Как я попаду в аэропорт?

– Как все, на такси, – не прекращая своего занятия, ответил Казимир.

– Я рассчитывала, что ты нас отвезешь! Попрощаешься, в конце концов, по-человечески!

– Мы уже попрощались, а сейчас, извини, я спешу, – забросил на плечо сумку Казимир. – Все! Прощай, не поминай лихом. Удачи тебе в новом браке!

– Но ведь так нельзя! Ты не можешь так поступить со мной! Мы ведь прожили вместе почти двадцать лет! – вдогонку закричала Лена, но он, не слушая ее, побежал по лестнице вниз.

– Все, поехали, – сказал, запрыгивая в машину. – Куда направляемся?

– В гостиницу, я рассчитываюсь, заберу сумку, и можно ехать, – с улыбкой ответила Эльза.

Она справилась за несколько минут. А еще через полчаса «пассат» стремительно уносился прочь от города.

– Если не секрет, вы живете с семьей или просто снимаете комнату? – Эльза украдкой глянула на Казимира.

– Раньше жил с семьей. Теперь семьи нет, – неохотно ответил он.

– Простите, не поняла? Как – нет?

– Очень просто. Мы развелись. Моя бывшая жена улетает на днях в Австралию, чтобы выйти замуж за тамошнего кенгуру.

– Почему за кенгуру? Там еще есть и коалы.

– Признаюсь честно, я не смотрел фото. Кроме того, я не зоолог и не хочу разбираться в женихах моей бывшей жены.

– Тот человек, который посоветовал мне обратиться к вам, утверждал, что вы надежно женаты. Что-то произошло за те годы, что вы не виделись?

– Я ведь даже не представляю, кто этот человек. Что же касается того, насколько надежно я был женат, вы сами видите результат. Жена меня попросту оставила. Я лишился любимой работы. Оказался без гроша. Пришлось выживать. Это ей, очевидно, не понравилось. Вы сами были замужем?

– Да, такой эпизод в моей жизни имел место. Но с бывшим мужем мы поддерживаем дружеские отношения.

– Вот и я стараюсь не срывать на скандал. У вас очень маленькая сумка, вы собираетесь бродить по лесу в платье и туфельках?

– Нет, я думаю купить все необходимое, а еще – рюкзаки, спальные мешки, палатку. Вы не будете возражать, если мы будем спать в одной палатке?

– Мы можем спать даже в одном спальнике, ваша честь от этого не пострадает, – по-мальчишечьи хмыкнул Казимир.

– Вы так уверены в себе? – спросила Эльза игриво.

– А вот если вы станете говорить таким голосом, работа у нас не пойдет.

– Простите, я пошутила. Просто вы в самом деле чертовски привлекательный мужчина. Более того, вы мне симпатичны. А поскольку вы совершенно свободны, возможно все.

– Разумеется, – согласился он, – только не нужно путать меня с черным проводником, которого возжелала белая путешественница.

– Казимир, я пошутила, – повторила она, – не стоит обижаться. Вы мне симпатичны, но из этого совершенно ничего не следует. Лучше скажите, где мы сможем купить снаряжение?

– Впереди – крупный областной город, там можно купить все и на любой вкус. А откуда вы так хорошо знаете русский язык? Я не заметил ни малейшего акцента, и фразы строите исключительно правильно.

Эльза усмехнулась:

– У меня были хорошие учителя. Да и училась я в Киеве.

– Так что, выходит, русский язык для вас – родной?

– Нет, родной – украинский, я коренная киевлянка.

– А как оказались в Германии?

– Элементарно, Ватсон. Училась, осталась работать, удалось получить гражданство.

– После замужества?

– Задолго до него. Еще я работала в Англии, в Северной Африке – словом, везде, где получалось.

– Понятно, я ведь раньше тоже был журналистом, правда военным. Пришлось поскинаться. А теперь вот кручу баранку.

– Разве не хочется вернуться к прежней работе?

– Очень хочется, но в этой стране такое невозможно. – Казимир вздохнул, немного помолчал и мрачно продолжил: – Я, что называется, в черном списке. Ни одна серьезная газета меня не возьмет. Хотел податься в Москву – жена не согласилась, а теперь страшновато. Форму потерял, стиль. Пришло много талантливой молодежи. Не знаю, смогу ли пробиться.

– Удивительно, что вы, такой сильный мужчина, боитесь рискнуть!

– А я рискнул и поехал с вами, – мгновенно откликнулся он. – Посмотрю, может, смогу быть полезен не только как водитель и охранник. Если почувствую, что еще не все потеряно, попробую начать жизнь сначала.

– Но учтите, Казимир, это моя работа, и только моя!

– Я на ваши права не посягаю. Вы копаете, я помогаю, лавры все ваши. Но если тварь существует – это может быть весьма опасно!..

Пять лет прошло с того дня, когда Тарас схоронил жену. Болезнь доконала ее. Они знали, на что шли, возвращаясь сюда. Но судьба подарила им целых четырнадцать лет счастья. Трудного, нелегкого счастья. К ним словно вернулись изначальные чувства, возродилась любовь, что свела их вместе. Последние годы они вместе жили, вместе радовались, вместе печалились, вместе дышали, вместе трудились. Поправляя могильный холмик, Тарас время от времени утирал прозрачные стариковские слезы. Годы не пощадили и его. Но случилось так, что он пережил Марию. Долгие пять лет он один топчет зеленый ряст.¹ Никого нет рядом. Только лесовики да твари, что расплодились в Зоне. Тарас посидел у дорогой могилки, поговорил с Марией, рассказал о том, как плодятся овцы, о том, что поправил сети, посетовал: тяжело жить одному. Морщинистой рукой погладил чистый песок на могилке, так он некогда гладил плечи жены. Отряхнул колени, встал, поправил ружье на плече – и неспешно пошел к родному селу. Нужно было поискать что-нибудь железное, отковать гвозди.

В который раз Тарас шел по лесу – и в который раз удивлялся. Знакомый с детства лес менялся прямо на глазах. Обычный папоротник вырастал едва ли не высотой с дерево, старые сосны обвивал хмель толщиной в руку, а уж рыба стала вовсе ни на что не похожа. Но делать нечего – нужно было жить. Попетляв между деревьев, Тарас выбрался на поросший кустарником старый луг, который и лугом уже не был. Присел передохнуть на гранитный валун. Поставил ружье меж колен, долго смотрел с холма на почти скрывшиеся за зарослями, провалившиеся крыши домов. Все. Исчезло село. Не зазвенит в нем серебряным колокольчиком детский смех, не ударят в подойник звонкие тугие струи парного молока. Ничего уже не будет. И дым

¹ Ряст – растение, то же, что хохлатка.

не поднимется из труб, когда... Дым... Тарас явственно различил дым над одним из домов. Домов с целыми крышами осталось совсем немного. Всю жуть он давно перетаскал к себе. А там – крыша была черепичная... Тарас когда-то заколотил окна досками, чтобы зверье не селилось в человеческом жилье, и теперь над тем самым домом курился дымок...

Осторожно, не хрустнув ни единой веткой, приблизился к дому, тенью скользнул между кустов... Вот уже и бывшая улица... Разросшаяся сирень выползла на дорогу, трава вымахала, несмотря на начало лета, по пояс. Притаился за толстым стволом старого, наполовину сухого дуба, стал наблюдать, что творится на бывшем подворье.

Незнакомый голос бубнил что-то невнятное. Послышались шаги. В дверном проеме появился молоденький паренек. Один, без ружья. Как только паренек сошел с крыльца, неясная тень метнулась из куста сирени, послышался глухой удар, парень упал как подкошенный под ноги рослого мужчины в драном армейском камуфляже с автоматом в руках. Мужчина постоял секунду, прислушиваясь, ящерицей скользнул в дом, и секунду спустя истошный женский крик разорвал тишину.

Тарас больше не медлил. Вбежал в дом – и в первое мгновение словно ослеп. Остановился. Едва глаза привыкли к полумраку, бросился на шум борьбы в соседнюю комнату. Мужик в камуфляже рвал одежду на женщине, расprostертой на полу, та пыталась сопротивляться, но силы были неравными. Тарас взмахнул ружьем и с силой опустил приклад на заросшую шею мужчины. Тот утробно хрюкнул, завалился вперед, придавил своей тяжестью девушку. Переведя дыхание, старик оттащил мужика, ногой отбросил автомат, склонился над девушкой.

– У тебя все в порядке? Идти можешь?

– Вы кто? Вовчик где? – вместо ответа, спросила сквозь слезы девчушка, судорожно пытаясь запахнуть на себе разорванную одежду.

– Вставай, уходить нужно. Найдется твой Вовчик, – потянул ее за руку Тарас.

Вышли из дома. Вовчика у крыльца не было. Тарас качнул головой и, не выпуская руку девушки, потащил ее по заросшей улице в сторону леса. Девушка была в шоке, послушно семенила за ним. Но едва они взобрались на пригорок, за которым начинался бор, уперлась и снова начала спрашивать о Вовчике.

– Стойте, туда нельзя, мы Вовчика потеряли! Его нужно найти, он непригодный. Пропадет!

– Идем, сбежал твой Вовчик, – объяснил Тарас. – Не найти его, а нам уходить нужно. Если тот с автоматом очухается, несдобровать.

– А кто вы такой? Вы что? Живете здесь?

– Да, живу, меня Тарасом зовут, для тебя дед Тарас. А ты кто такая, как в Зоне оказалась?

– Я Янка, мы вместе с Вовчиком сюда добрались, у него неприятности. Пересидеть нужно.

– Понятно, у него неприятности, а ты с ним пересидеть решила. Родители-то в курсе, что ты здесь находишься?

– Нет, мы сбежали. Но это не важно. Я записку маме оставила, что вернусь!

– Янка, ты совсем глупая или только прикидываешься? – изумился Тарас. – Отсюда дороги нет, только на тот свет.

– Как – нет? Мы же сюда приехали! Значит, и обратно можно! – недоверчиво хихикнула Янка.

– А деньги у тебя есть на обратную дорогу? Ладно, хватит, идти нужно. Нам еще через лес пробираться, это небезопасно.

– Почему? Почему через лес? Там Вовчик остался! – опять заскулила девушка. – Его нужно найти!

– Пойми, Янка, нельзя сейчас, я твоего Вовчика завтра искать буду. Нам бежать нужно. Не дай бог, Тварь на охоту выйдет. Тогда не спасись!

До дома Тараса они почти бежали. Только заложив тяжелую дубовую дверь толстенным брусом, старик немного успокоился. Куда-то подевалась вся его прыть. Он по-стариковски шаркал ногами, что-то невнятно бормотал. Вообще, старый охотник сделался совсем иным, нежели там, в лесу. Достал из печи чугунок с отварной картошкой, принес начатый каравай черного, как земля, хлеба и шматок солонины.

– Садись, Янка, поедим. Старуха моя как померла, так я уже и не готовлю ничего особенного. Ты, девка, не сердчай. Поишу я твоего дружка. Но ночь уже начинается, а ночью тут из дома выходить нельзя. Пропадешь ни за грош.

– Вы давно здесь живете, дедушка Тарас? – дрожащим голосом поинтересовалась девушка.

– Да, почитай, без малого двадцать годков. Раньше у нас знатные места были, даже медведи водились, аккурат в моем лесхозе. А теперь Тварь по ночам бродит.

– И что, все двадцать лет – один? – Янка изумленно посмотрела на старика.

– Нет, что ты, девка, с женой, с Машей. Да только померла она. Схоронил я Марию Станиславовну. Доконала ее лихоманка. С тех пор один как перст. Ну да ничего, скоро и мне в последнюю дорогу собираться.

Янка подметила, что дед Тарас в доме даже говорить стал по-стариковски, совсем не так, как там, в заброшенном селе, где голос был пусть и глухой, но четкий, а слова, как команды, отрывисты. Старый замшелый дом будто менял его, делал мягче и слабее.

Эльза без особых проблем, со знанием дела подобрала необходимое снаряжение: легкий австрийский спальник, прочные высокие ботинки, камуфляж. Казимир тем временем запасся продуктами, котелком, различными мелочами, которые облегчают жизнь путешественнику. Загрузили покупки в машину, проехали еще с полсотни километров, наконец добрались до небольшой деревеньки у самой границы Зоны. Казимир легко договорился с хозяйкой одной из хат, загнал машину во двор и за полчаса превратил в аккуратный стог сена.

Эльза не спала на сеновале с самого детства. Одурачивающий запах свежего сена убаюкивал, но сразу уснуть не удалось. Рядом посапывал Казимир, она чувствовала его приятное тепло, но мыслями была в Зоне. Эльза сама толком не знала, где искать тот объект, который явственно зафиксировали на снимках из космоса. Определенную сложность представляло и то обстоятельство, что замечали объект, как правило, в сумерках, а снимки, сделанные в ИК-диапазоне, хоть и давали много весьма точной информации, судить о реальном облике Твари не позволяли. Именно Эльзе предстояло найти и отснять Тварь, а также представить доказательства непредвиденных мутаций в Зоне. Нужно заставить и простых людей, и ученых по-новому взглянуть на проблемы, вызванные катастрофой. У нее не было готового решения, как именно поступить с Зоной, но она должна была доказать, что в ней, возможно, таится весьма серьезная угроза для Европы. Эльза считала это своим долгом. Вот и сейчас, восхитительной теплой июльской ночью, она думала о предстоящем рейде. Но постепенно сон все же овладел ею.

А утро началось с бодрого крика петуха в предрассветной тиши. Звонкий, чуть хриловатый, победный клич возвестил о приближении рассвета. Отвыкшая от сельской жизни Эльза распахнула глаза. И крайне удивилась, увидев прямо перед собственным носом густо поросшую черным волосом мужскую грудь. Во сне она не заметила, как уютно пристроила на плечо Казимира голову, обняла его, прижалась к нему всем телом, даже ногу на него закинула. Но больше всего ее изумило то, что она чувствовала бедром. Рядом с ней лежал мужчина в самом расцвете сил.

– Проснулись? – чуть севшим от волнения голосом спросил Казимир, но не сделал ни малейшего движения, чтобы встать.

– Не знаю еще. Петух закричал. Боже, хорошо-то как! – промурлыкала Эльза, не спеша освобождать Казимира из своих объятий. Наоборот, она, как кошка, потерлась о него, затем откинулась на спину и сладко, до хруста в костях, потянулась. – Сто лет так не спала. Вроде и недолго, а отдохнула замечательно. Когда мы выходим?

– Умоемся, позавтракаем – и вперед.

– Тогда встаем! – с решимостью в голосе и с той же мечтательной улыбкой на губах сказала Эльза и энергично села.

Рассвет только загорался на востоке, ключья тумана поднимались из низин. Эльза бодро шагала вслед за Казимиром, оставляя темный след на росной траве. Шаг за шагом они приближались к выбеленным временем столбам с обрывками колючей проволоки. Перед ограждением Эльза остановилась – вроде чтобы поправить лямки рюкзака, на самом деле – чтобы глотнуть воздуха перед прыжком в неведомое. Казимир остановился, внимательно посмотрел ей в глаза, но не сказал ни слова. Он сам переживал нечто подобное в прежней жизни, когда ясно осознавал: там, впереди, смертельный риск, но только ты можешь выполнить порученную тебе работу. И от твоей ловкости, от твоего умения зависит, выживешь ли ты, вернешься ли ты назад.

До самого обеда шли по поросшим высокой травой полям, сосновым лесам, потом остановились на привал на берегу неширокой речки. Казимир развел небольшой костер, повесил над огнем котелок и стал колдовать над немудреным обедом. Эльза в очередной раз подогнала и поправила снаряжение, отошла немного в сторону и, сбросив с себя одежду, решила, не теряя зря времени, смыть дорожную пыль и пот.

Песчаное дно отлично просматривалось сквозь чуть буроватую воду. Эльза осторожно вошла в реку. Струи ласкали кожу, обтекали ее стройное сильное тело. От удовольствия она улыбнулась, подставив солнечным лучам лицо. Окружающую тишину нарушал только стрекот кузнечиков в прибрежной траве. Эльза сполоснула лицо и поплыла к противоположному берегу. Течение немного сносило ее вниз, но она не обратила на это внимания, уверенно поплыла к нависшему над водой дереву. Слева виднелся склонившийся у костра Казимир, их разделяло не более тридцати шагов. Эльза словно опомнилась и резко повернула обратно. «Совершенно не нужно смущать его, еще в самом деле решит, что я купаюсь обнаженной только для того, чтобы его соблазнить, – подумала она, поднимаясь против упрямого течения к тому месту, где оставила одежду. – Достаточно того, что обнимала его во сне, и так мог подумать невеста что». Она постирала белье, развесила его на кустах и стала безмятежно греться в лучах полуденного солнца. Ей не верилось, что в тихом сказочном мире может существовать зло.

Стайка утят под командованием мамыши-утки выплыла из тростников и направилась к нависшему над водой дереву, тому самому, к которому не доплыла Эльза. Утки были как раз на середине реки. И вдруг вода вскипела. Из глубины высоко взметнулось длинное темно-пятнистое тело и с шумом обрушилось на утят. И через секунду на поверхности остались одинокие перышки. Вся стайка вместе со взрослой уткой просто исчезла. Ошеломленная Эльза смотрела на воду и не могла понять: что за чудовище в один миг проглотило весь выводок?

– Эльза! Вы где? – донесся взволнованный крик Казимира.

– Здесь, сейчас иду! – ответила она, натягивая камуфляжные брюки.

Нацепила майку, схватила в руки непросохшее белье и ботинки, бегом вернулась к костру.

– Что это было, Казимир?

– Не представляю. Здесь не может быть такого крупного хищника. Иногда на уток нападает крупная щука, но я не могу представить себе щуку такого размера. Она сожрала весь выводок вместе с мамашей-уткой! У меня к вам просьба. Впредь не купайтесь в таких местах.

– Вы меня видели?

– Разумеется. Прошу вас, будьте осторожны, неизвестно, кого мы еще можем повстречать.

– Хорошо, Казимир, – мгновенно согласилась она. – Считайте, что мы договорились. Скажите, а вас ведь раньше близкие друзья называли не по имени, верно?

– Что вы имеете в виду?

– Тот человек, который посоветовал обратиться к вам за помощью, называл вас Локис.

– Интересно. – В глазах Казимира мелькнули веселые огоньки. – Выходит, мы с ним действительно были хорошо знакомы. Найдется не больше десятка людей, которые знают наше родовое имя. Видите ли, Эльза, Локис – это не кличка и не псевдоним, это как бы второе имя. Таков обычай, очень древний, идущий еще с дохристианских времен. В нашей семье он сохранился вопреки всему.

– Уж не из того ли вы рода, который описал в свое время Мериме? – улыбнулась Эльза.

– Нет, не думаю. Мериме написал сказку. Но Локис – это действительно медведь. Причем очень непростой. Присаживайтесь к столу, обед готов.

– Можно я тоже буду называть вас Локисом?

– Что ж, – согласился он, – если вам так будет удобнее...

Когда Вовчик выходил из старого заброшенного дома, он споткнулся, – приклад автомата едва коснулся головы. Но испуг был силен, он рухнул на траву и на мгновение потерял сознание. Через секунду кто-то еще скользнул в дом вслед за призраком в камуфляже. Вопила Янка. Но у Вовчика даже и мысли не мелькнуло броситься ей на помощь. Он вскочил на ноги и бросился бежать. Остановился тогда, когда дыхание стало вырываться из груди тяжкими хрипами, а перед глазами поплыли разноцветные круги. Со всех сторон его обступили огромные деревья, в полумраке что-то поблескивало. То ли чьи-то глаза, то ли огоньки. Обессиленный Вовчик сел, прислонился к стволу сосны и закрыл глаза. Он готов был умереть. Сил бежать или ползти у него не было.

...Разбудила его утренняя прохлада. Было еще довольно темно. Мрачные деревья шелестели кронами высоко над головой. Рядом с ним что-то шуршало. Страх снова мерзким холодком наполнил желудок. Вовчик вскочил, скрючившись, посидел, затем поднялся и побрел на непослушных подкашивающихся ногах дальше. Куда идти – ему было абсолютно все равно. Он не знал, где находится, не представлял, куда пойдет и что с ним будет дальше. Голод и страх гнали вперед. Когда солнце поднялось достаточно высоко, впереди между деревьев показался просвет. Вскоре Вовчик выбрался на обширную поляну. За ней поблескивала на солнце река. На берегу виднелись какие-то строения.

Вовчик подошел поближе и понял, что там есть люди. Ветер принес аппетитный запах жареного мяса и дымок костра. Он ускорил шаг и вскоре уже смог рассмотреть несколько человеческих фигур на берегу у небольшого костра. Вовчик схоронился за кустами, некоторое время наблюдал за людьми. Их было четверо. Все одетые в какие-то несусветные лохмотья и явно одичавшие, они с аппетитом поедали жареное мясо. От голода у Вовчика подвело живот, начала кружиться голова и стало откровенно подташнивать. Не выдержав пытки голодом, он встал и направился к людям.

Приближающегося Вовчика первым заметил мужчина, сидящий на корточках у костра.

– Во блин! Ты кто, пацан?

– Вовчик, – с готовностью ответил Вовчик. – Я заблудился.

– Прикольнo, в Зоне – и заблудился! Да тут же всюду указатели висят! – захохотал самый молодой из мужиков. – Откуда ты такой взялся?

Вовчик стоял перед хохочущими мужиками и не знал, как себя вести. В своей стае он пусть и не был вожаком, но занимал не последнее место, а тут сразу же стал никем. Его могли избить, унижить, даже убить, но голод туманил мозг.

– Мне бы поесть немного, я только чуть-чуть, – взмолился он.

– А мы типа жрать не хотим? Иди воруй, помойки оттаяли! – откликнулся молодой.

– Фильтруй базар, Клоп. Дай малому пожрать. А то сам лопнешь, – вмешался мужчина постарше.

– Да ладно, Серый, я же шуткую, – проворчал Клоп и швырнул Вовчику под ноги кусок мяса. – Жри, малой.

Вовчик жадно схватил кусок, не отряхнув прилипших на него соринки, давясь, укусил. Мясо было жестким, немного подгоревшим, местами совсем сырым, но Вовчик не замечал ничего. «Как клево, что я повстречал добрых мужиков! Теперь ничего не страшно!» – подумал он, облизывая грязные пальцы.

– Давай бухти, малой. Откуда сбежал? – спросил Серый, когда Вовчик облизал пальцы.

Вовчик понял, что шутки кончились, и поведал мужикам свою историю... Умолчав при этом о том, что случилось с Янкой...

Голова горела, словно ее засунули в огонь. Но стоило Гвоздю пошевелиться, боль ударила в позвоночник. Очень осторожно он дополз до стены и сел. Темнело. Где-то рядом поскрипывала дверь. В доме, судя по всему, никого не было. Последнее, что он помнил, – мягкое тело девчонки, которая судорожно билась под ним. Затем вместе с болью в затылке на него обрушилась темнота... Как же он так оплошал, ведь бил прикладом наверняка! Выходит, промазал. Автомат? Вон он – тускло поблескивает в углу. Гвоздь на четвереньках подполз к оружию. Магазин на месте, патроны на месте. Снял с предохранителя, убедился, что патрон в патроннике. Значит, автомат не тронули. Странно... Пацан по идее должен был забрать «калаш». Почему же не забрал? В доме оружия не было. Гвоздь не мог ошибиться. Девка была, а ствол не было точно. От боли тошнило. Гвоздь примкнул магазин, опираясь на стену, вышел из дома. Солнце давно опустилось за кромку леса. Постоял на крыльце, вернулся в дом. В полумраке осмотрел поклажу сбежавшей парочки. Консервы! Свежий хлеб! Сыр! И даже – бутылка настоящей водки! Здорово! Сегодня будет пир! Не удержавшись, откупорил бутылку, жадно припал к горлышку. Опорожнил ее почти до половины, разломал хлеб, долго нюхал, наслаждаясь почти забытым запахом. Туземцы почти не пекли настоящий хлеб – чаще ржаные лепешки, а этот был то, что надо, с кисловатым дрожжевым запахом, черный, необыкновенно вкусный. Достал из ножен штык-нож, вскрыл банку рыбных консервов, незаметно для себя съел ее всю сразу, затем куском хлеба вымакал досуха томатный соус – и снова припал к бутылке. Допил водку, привалился к стене. В голове приятно шумело. Опьянение было совсем другим, чем от местной самогонки, которую иногда удавалось добыть у аборигенов. Гвоздю давно не было так хорошо. Внутри стало тепло, никуда не хотелось идти. Гвоздь подоткнул под голову сумку сбежавшей парочки, улегся поудобнее и уснул.

...Ему приснился Гнус, бегущий по лесу и разевающий рот в безмолвном крике. Следом за ним несло нечто огромное, страшное. Оно настигало Гнуса, с каждым шагом становясь все больше и больше. Лицо Гнуса было совсем белым, глаза вылезли из орбит и тряслись на гибких стерженьках перед лицом. Глаза периодически выворачивались назад, пытались разглядеть догоняющее его чудовище. При этом синие и красные, как в школьном учебнике, кровеносные сосуды на поверхности глазных яблок выглядели особенно жутко. Внезапно невероятно громкий, рвущий барабанные перепонки крик ударил по ушам.

Гвоздь вскочил, растерянно оглянулся по сторонам. Мрачный заброшенный дом наполнила рассветная серость. Гвоздь поежился от утренней прохлады и с сожалением посмотрел на пустую бутылку. Раскромсанный хлеб на полу он быстро собрал и съел. Перекопал сумку, обнаружил две пачки сигарет и кучку ни на что не пригодных тряпок. Мужские шмотки ему были откровенно малы, а женские приспособить к чему-то было невозможно. Съев половину сыра, Гвоздь собрал остатки продуктов в сумку, блаженно закурил. В целом вылазка удалась,

хоть не получилось трахнуть девку, добыча оказалась необыкновенно хорошей. Докурил сигарету, ощутил, как голова поплыла. Стряхнул с себя наваждение и желание остаться подольше в доме, взял автомат, забросил за плечо сумку, двинулся в направлении уже ставшей родной избушки.

Роса скоро промочила разбитые ботинки, но Гвоздь уже привык не обращать внимания на подобные мелочи. Он размеренно шагал по лесу, прислушивался к шорохам и звукам. Вот впереди весело зажурчала речка. Осталось пройти не больше сотни шагов. Что-то вдруг напрягло Гвоздя. Зверь почуял зверя. Сухо щелкнул затвор. Притаившись за разлапистой сосной, Гвоздь некоторое время прислушивался. Со стороны избушки донеслось довольное чавканье. Там что-то было.

Локис сверился с картой и повел Эльзу вдоль реки. Чем дальше они углублялись в Зону, тем больше странного встречалось на пути. На заболоченных участках обычная росянка достигла невиданных размеров и способна была поглощать не только мелких насекомых, но и птиц. Привычный выюнок, оплетающий деревья, превратился в настоящие лианы; заросли лопуха возносили свои огромные листья выше человеческого роста. А когда, ближе к вечеру, на пути попался ежик, от неожиданности Локис сорвал с плеча карабин. Колочее животное показалось огромным – оно достигло полуметра в длину.

Поднялись на песчаный пригорок, поросший редкими соснами, остановились на ночлег. Локис установил палатку камуфляжной раскраски, занялся костром. Эльза спустилась к небольшому быстрому ручью, умылась и набрала в котелок воды. Когда Эльза вернулась к бивуаку, Локис посмотрел на нее как-то очень странно. Она смутилась и отвела глаза. Казимир был скован весь вечер и после ужина долго курил у затухающего костра. Завернувшись в мягкий спальник, Эльза слышала, как он ходил вокруг, как спускался к ручью, как, посвечивая себе фонариком, снова и снова обходил палатку, хрустел валежником. Она решила, что Локис взволнован ее присутствием и не может решиться прийти в палатку, сделала вид, что спит, когда он, откинув полог, заглянул внутрь.

Забравшись в спальный мешок, Локис негромко вздохнул. День выдался относительно простой, но то, что предстояло в дальнейшем, таило серьезную угрозу. Даже те мутации, с которыми они столкнулись, только войдя в Зону, настораживали. Чего стоила одна шука длинной более полутора метров! А мирный ежик с дикобраза ростом! Ничего подобного Локис не видел. Теперь он расставлял ловушки и был готов принять бой с любой нечистью, порожденной катастрофой. Положив руку на карабин, он забылся чутким, тревожным сном. Чувство опасности, много раз выручавшее в серьезных ситуациях, не позволяло расслабиться.

Проснулась Эльза оттого, что спина замерзла даже в теплом австрийском спальнике. В палатке, кроме нее, никого не было. Кое-как протерла глаза. Накинула камуфляжную куртку, выглянула из палатки. Локис возился у костра. Карабин стоял рядом, у дерева, в котелке уже что-то варилось. Из небольшого зеленого, сильно закопченного армейского котелка по поляне растекался одуряющий аромат свежесваренного кофе.

- Привет, – сказала она, выползая из палатки. – Ты давно встал?
- Нет, не больше часа назад. Как ты спала? Хорошо отдохнула?
- Спасибо, замечательно. А кофе уже можно?
- Ты начинаешь день с кофе?
- Обычно – да. А что, это противозаконно? Ну, так как насчет кофе?
- Пей, конечно. Сейчас завтрак будет готов, собираемся – и вперед.

Эльза налила в кружку кофе, присела у костра. Локис, не обращая на нее внимания, начал собирать палатку, укладывать рюкзак. Он все время старался держаться спиной к костру. Лишь когда Эльза допила кофе, взяла полотенце и зубную щетку и направилась к ручью, он прервал молчание:

– Эльза, ты, пожалуйста, не отходи далеко. Лучше меньше скромничать, но не рисковать. Места здесь не слишком спокойные.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что сказал, твоя Тварь может оказаться реальностью.

– Ты что-то видел? – взволнованно спросила Эльза.

– Нет, к счастью, пока нет, но осторожность не помешает. Умывайся и приходи завтракать, у нас сегодня большой переход.

Путь в самом деле оказался трудным, потянулись заболоченные еловые леса. Местами приходилось брести по пояс в теплой вонючей жиже, затянутой зеленой ряской. Под ногами чавкало, и ботинки словно прирастали к вязкому дну. Когда к обеду они выбрались на небольшой сухой островок, первым желанием Эльзы было упасть на землю и больше никуда не идти. Но Локис взял ее за руку и тащил еще с полкилометра, пока не вывел на берег реки. Оставив Эльзу отдыхать, обследовал небольшой заливчик. Убедился, что в нем нет опасной живности, и жестом подозвал спутницу к себе.

– Давай, можешь здесь сполоснуться, пока я присмотрю за рекой. Потом сменишь меня.

– Локис, у меня даже купальника нет! – воскликнула Эльза, сообразив, что придется раздеваться догола прямо при Казимире.

– У меня тоже, но если ты предпочитаешь ходить покрытой коркой болотной грязи, дело твое.

– Только ты, уж будь добр, не пялься на меня. Мне неудобно!

– Эльза, мне не пятнадцать лет, – отмахнулся Локис, – и голых женщин я видел предостаточно, просто не обращай на меня внимания.

Поглядывая на застывшего с карабином в руках Локиса, Эльза торопливо сбросила с себя провонявшую болотом одежду и вошла в воду. Чистый заливчик мгновенно побурел от болотной грязи. Эльза старательно смыла с себя начавшую подсыхать корку и, уже не обращая внимания на спутника, выстирала свои вещи, потом, выйдя из воды, развесила их на ближайших кустах.

– Теперь твоя очередь сторожить. Ты карабином пользоваться умеешь? – совсем рядом раздался голос Локиса.

– Ты редкостный мужчина! – с ноткой восхищения отозвалась Эльза. – Представь себе, умею. Иди, смывай свои грехи.

Нагая, как амазонка, она с оружием в руках заняла позицию, на которой до этого находился Казимир, и стала пристально следить за водной гладью. Локис вошел в воду прямо в камуфляже, разделся в воде, выстирал всю одежду, выбросил ее на траву и занялся собой. Эльза искоса поглядывала на него и не находила изъянов в подтянутой, совершенной мужской фигуре. В какой-то момент она замечталась и не заметила, как он исчез из залива. Растерянно огляделась по сторонам, увидела, как за кустами, там, где они сбросили рюкзаки, поднимается легкий дымок. Выругавшись про себя, по-прежнему сжимая в руках карабин, направилась к стоянке. Локис, уже в шортах, пристраивал над костром котелок. Стараясь лишней раз не шуметь, Эльза вытряхнула содержимое своего рюкзака, торопливо натянула на себя длинную майку. Чувствуя себя вполне защищенной, опустилась на землю рядом с костром и задумалась.

Подумать было о чем. Локис явно был крайне напряжен, но пока не высказывал собственных опасений. Она не знала, стоит ли его спрашивать, что именно его волнует. Она сама понимала, что все в этих местах не укладывается в привычные рамки. Если ежик вырос до таких гигантских размеров, каким может стать волк? То, что они по очереди охраняли друг друга во время купания, было в общем-то правильно. Пока они добирались до этих мест, Эльза уже отсняла больше тридцати минут уникального видео. Но насколько они приблизились к своей цели, она не знала.

– Локис, а где мы находимся? – спросила Эльза, разворачивая карту.

– Приблизительно вот здесь, в этой излучине. Нам сегодня желательно добраться сюда. Это как раз граница обитания твоей Твари. Ночью не хотелось бы оказаться поблизости с ней, поэтому остановимся где-то в этом районе. И река будет под боком, и Тварь там ни разу не появлялась, судя по снимкам.

– Сколько нам еще идти по болоту? Локис устало улыбнулся:

– Нет, не волнуйся, по болоту мы не пойдем, будем двигаться вдоль реки.

– Послушай, вот здесь, как я понимаю, дорога, почему бы не пройти по ней?

– Эльза, ты очень хочешь нарваться на патруль? Здесь практически нет постоянных поселений, но патрульные машины периодически появляются. Думаю, что детекторы у них есть. А это значит, что любой биологический объект массой более тридцати – сорока килограммов в радиусе километра они заметят. Мы услышим машину, но не успеем убежать.

– Но мне говорили, что в Зоне живут люди!

– Да, живут, и довольно много, но они, как правило, скрываются в труднодоступных местах. Да и люди здесь в основном из тех, которые не слишком уважают писанные законы.

– Ты хочешь сказать – преступники?

– Почему так категорично? Хотя есть и беглые преступники. Думаю, тут поселился разный люд, у каждого на то свои причины. Не нам их судить. Давай миску, кажется, готово.

Пока они обедали, одежда практически высохла, лишь пропитавшиеся водой ботинки оставались влажными. Эльза вскинула рюкзак на спину и тяжело выдохнула. Плечи, за прошедшие полтора дня натертые лямками, заныли. Она оглянулась на Локиса, стиснула зубы, сделала первый шаг и едва не пошатнулась – ноги упорно не хотели слушаться.

Янка проснулась, когда было уже совсем светло. Который час – она не знала. Ее часы остановились вчера. Она ударила их во время борьбы с тем мужиком в камуфляже, который пытался ее изнасиловать. В старом огромном доме стояла тишина. Быстро одевшись, Янка вышла в соседнюю комнату и остановилась у стола. Радостный солнечный свет заливал чистый деревянный пол, бревенчатые, потемневшие от времени стены. Воздух, настоянный на аромате сосны, бодрил и веселил душу. На пожелтевшем клочке бумаги простым карандашом старческим корявым почерком было написано:

«Янка, я ушел искать Вовчика. Ничего не бойся. Завтрак на столе.
Вернусь к вечеру. Тарас».

Под чистой холстиной на столе оказались глубокая миска с вареной картошкой, кусок солонины и кружка кислого молока. Янка поела и, хотя молоко оказалось несколько странным на вкус, с удовольствием его выпила. Вымыла посуду, убрала ее в старомодный буфет, обнаружила несколько катушек ниток и иголки. Привела в порядок изорванную одежду. Заштопала и зашила кое-что из вещей деда Тараса. Убралась в огромном доме. До самого обеда не сидела без дела. Проголодавшись, достала из печи чугунок с картошкой, доела остаток солонины. Наносила воду в огромную деревянную кадуюшку, перестирала свои и Тарасовы вещи. Развесив их на солнцепеке, присела отдохнуть на крыльце, завернувшись в старенькую простыню.

Быт, несколько отличный от того, к которому она привыкла дома, не слишком смутил. Девушка притерпелась к скромной жизни. Деньги в их семье никогда не были лишними. Хотя родители были довольно молоды, жили тяжело. Завод, где они когда-то вместе работали, давно закрылся. Мама устроилась продавщицей на рынок и одно время зарабатывала вполне прилично. Отцу пришлось труднее. Он яростно хватался за любую возможность заработать, пока его, молодого в общем-то мужчину, не свалил инсульт. Долгие полгода Янка вместе с мамой выхаживали его. Болезнь отпускала нехотя, но в конце концов отпустила. Понемногу отец стал ходить, а еще через три месяца устроился на работу. Платили мало, но для их семьи любая

копейка имела значение. Янка и сама не привыкла сидеть без дела. С двенадцати лет все свободное время проводила за швейной машинкой. Помогала маме: шила фартучки, ситцевые платочки для маленьких девочек. По договоренности с хозяином мама продавала их на рынке. Так и жили втроем, помогая друг другу. До тех пор, пока Янка не познакомилась с Вовчиком. Яна тогда пошла на дискотеку с подружкой. Так случилось, что самый веселый парень из большой шумной компании обратил на нее внимание. До этого даже на школьных вечеринках ее никто особенно не замечал. Всего-то пару раз ей довелось потанцевать с одноклассниками. Парни предпочитали более ярких и раскованных девушек, а тут такой молодец не просто выделил ее из толпы, а не отходил ни на шаг. Они танцевали. Янка была на седьмом небе от счастья. Одно смущало: от Вовчика явственно потягивало спиртным. Отца Яна никогда не видела пьяным, так что особого страха не ощутила. После дискотеки Вовчик вызвался проводить ее домой.

Впервые в жизни Янка шла под руку с парнем по ночной улице. Как она была горда собой, не рассказать! Через день Вовчик позвонил. Так они начали встречаться. Мама заметила перемену в настроении дочери, серьезно поговорила с ней. Нет, она не запретила гулять с Вовчиком, просто посоветовала быть осторожнее. Не запугивая, мама приоткрыла завесу тайны над отношениями между мужчиной и женщиной. Объяснила, чего нужно опасаться. Потому, когда это случилось, Янка оказалась готовой. А случилось это вскоре после Нового года. Они с Вовчиком встречались почти месяц. Погуляв по холодным улицам, зашли к нему домой – погреться. Вовчик предложил выпить. Янка наотрез отказалась. Вовчик настаивал. Затем выпил стакан водки и полез к ней целоваться. Целовались они и раньше, но совсем не так. В какой-то момент он словно озверел. Больно сжал грудь, стал расстегивать на Янке джинсы. Янка сначала в шутку, а потом всерьез пыталась его остановить. Но было поздно. Вовчик ничего не соображал. Янка поняла безвыходность положения и вспомнила советы мамы. Она согласилась на близость, но только с презервативом. У Вовчика презерватива не было. Он стал настаивать и кричать. Тогда Яна вытащила из сумочки тот, который дала мама.

Все произошло быстро и совсем не так, как она себе представляла. Было немного больно, Вовчик сопел в ухо. Потом как-то разом обмяк, навалился на нее. Видеокассета, валявшаяся на диване, больно уперлась в спину. И все. Никакой радости, никакого удовольствия. Вовчику, похоже, было очень хорошо, только это немного и утешило Яну. Ну что же, мама говорила, это не всегда доставляет огромное удовольствие. Только со временем женщина начинает чувствовать. Стоя под душем и смывая кровь, Яна смирилась с тем, что произошло. По крайней мере, это произошло с парнем, которого она любила, а не в подворотне с первым встречным. Рассказы подружек тоже не походили на то, что испытала она.

Когда Яна вернулась домой, она все рассказала маме. Девушка была готова выслушать упреки, угрозы, оскорбления, но ничего этого не последовало. Мама вздохнула, пожалела и попыталась успокоить дочь. Только позже Яна поняла, сколько боли она причинила матери в тот вечер.

А Вовчик изменился. Стал внимательнее, заботливее, но и требовательнее. Теперь это случалось с ними один-два раза в месяц. В конце концов Янке даже стало интересно, а потом, пожалуй, и приятно.

Она мечтала о том, что после школы окончит швейное училище, станет замечательной портнихой, у нее будет множество клиенток, которые станут заказывать роскошные эксклюзивные наряды. А пока – шила для знакомых, зарабатывала пусть небольшие, но деньги. Когда с Вовчиком случилась беда, Янка ничего не сказала маме. Впервые скрыла от нее то, что напрямую касалось ее самой. Убегая с Вовчиком, думала о том, что отвечает за него. Хотя уже понимала, насколько ее любимый парень не приспособлен к реальной жизни, Яна приняла решение помогать ему до конца. Единственное, что она сделала вопреки Вовчику, – взяла с собой

деньги, которые заработала сама, сидя за швейной машинкой, но не тронула деньги родителей. Оставила маме записку, просила не беспокоиться, обещала вернуться к осени.

Сейчас она ожидала возвращения деда Тараса и надеялась, что ее непутевый Вовчик найдется. Тарас в самом деле в лесу менялся, становился быстрым, чутким, осторожным, будто в него вселялся зверь. Поутру, пока еще не встало солнце, добрался до заброшенного села. Чужак был в доме, Тарас почувствовал его присутствие, едва приблизился к жилью. Не желая рисковать, осторожно пробежал вокруг, попытался отыскать следы. После недолгих поисков обнаружил то, что искал. Вот он – след незнакомой обуви! Бросился в том направлении, куда рванул перепуганный Вовчик. Дошел до леса. Тут начались трудности. Беглец петлял, словно заяц, то бросался в буреломы, то возвращался: по собственному следу. К обеду, вконец вымотавшись, Тарас потерял след. Пришлось возвращаться домой без Вовчика. Одно успокаивало Тараса, далеко беглец уйти не мог. Вовчик совершенно не ориентировался в лесу, ходил кругами. Оставалось надеяться, что, если парень не наткнется на Тварь, рано или поздно найдется. Уж по сломанной ветке или отпечатку ноги Тарас его отыщет. Не зря ведь он всю жизнь прожил в этих местах!

По краю болота Тарас вышел к реке. Уже больше года он здесь не был. Широкое полноводное русло медленно несло бурюю воду на юг. Жилище Тараса находилось на одном из бесчисленных притоков, километрах в пятнадцати по прямой от того места, где он находился. Неожиданно ветерок принес запах дыма. Перехватив поудобнее ружье, Тарас начал приближаться к берегу. Вышел на место недавней стоянки людей. Судя по следам, их было двое: мужчина и женщина. На песке сохранились следы босых ног. Очевидно, мылись в реке, стирали одежду, похоже, пришли сюда через болото. Возле дерева остался след от приклада. Последнее время в Зоне начали появляться разные люди, и далеко не все – с благими намерениями. Кто эти двое, было совершенно непонятно, более того, неясно, что привело их в места, где каждый шаг сопряжен с риском. Не раздумывая, Тарас пошел по следу загадочной парочки.

Через час он нагнал их: двое в камуфляже, с рюкзаками, женщина едва идет, вероятно, в пути достаточно долго. У мужчины на плече оружие, поблескивает солнце на вороненом стволе. Идет уверенно, выбирает самый лучший путь, но не охотник, шаг другой, скорее военный. Держась на безопасном расстоянии, Тарас шел за ними почти до вечера. Понаблюдая издали, как мужчина привычно установил палатку, и направился домой. Ему совсем не нравилось, что поблизости от его жилья стали появляться чужаки. Нужно было предпринимать какие-то меры для защиты, но вот какие – непонятно.

Солнце почти скрылось, когда Тарас подошел к бывшему лесничеству. На крылечке, отмахиваясь веточкой от комаров, его ждала Янка.

– Так ты говоришь, от ментов рванул? – переспросил Серый. – На зону, значит, не захотел?

– А кто туда хочет? – немного испуганно сказал Вовчик.

– На зону не захотел, а девку, значит, почему зря положил?

– Случайно так получилось, я же не хотел ее убивать!

– Понятно, ты розочку ей подарить хотел! А она сдуру не ручками нежными ее приняла, а горлышком, шейкой лебединой. Так, что ли?

– А вы не прокурор, чтоб меня обвинять! – вскинулся Вовчик и тут же рухнул на землю, хрипя разбитым горлом.

Серый потер кулак и, пнув ногой в бок скорчившегося Вовчика, сказал:

– Ты, малой, не дергайся, не люблю я этого. Я здесь и прокурор, и судья, и палач. Это чтобы ты сразу понял, быть тебе, малой, вечной шестеркой, а дернешься, вовсе опущу, петухом сделаю.

К вечеру, когда все как по команде начали собираться, Вовчик, не говоря ни слова, поднял мешок с остатками еды и побрел вслед за мужиками. Он уже многое понял – и куда попал, и кем были встретившиеся ему люди. Многие объяснили обрезы охотничьих ружей у Серого и еще у двух мужиков. То, что жизнь не стоит в Зоне и ломаного гроша, Вовчику стало понятно еще вчера, когда, едва выйдя из дома, он получил удар прикладом автомата прямо в голову. Чужак даже не спросил, кто перед ним стоит, он просто хотел его, Вовчика, убить.

В темноте вышли к околице какой-то деревеньки. Притаились в темноте и ждали, пока не погас последний огонек в окне крайнего дома. Затем двое – Хруст и Ваня – направились во двор, а Серый вместе с Клопом и Вовчиком подперли дверь дома. Собака залаяла и бросилась на Клопа, но тот, ловко приняв ее на тускло блеснувший в ночи нож и мгновенно зарезав, кивнул Вовчику, чтобы тот засунул еще теплую, истекающую кровью тушку в мешок. Из хлева донесся душераздирающий визг поросенка. Окно слева от двери приоткрылось и полыхнуло длинным пламенем: громыхнул выстрел. Серый, не целясь, выстрелил в ответ. Тяжелая ставня захлопнулась. В хлеву теперь слышалась только возня, поросенок больше не визжал. В доме кто-то матерно кричал, но ушли они без потерь. Вылазка принесла желанную добычу: небольшого поросенка и тщедушную собаку. Отойдя с пяток километров, разделали туши и, разложив кровоточащие куски мяса по мешкам, потянулись в глубь леса. Рассвет еще не наступил, когда на одном из поросших соснами холмов группа дружно кинула мешки на хвою у входа в неприметную землянку. Вовчик окончательно осознал: теперь это его дом. Навсегда.

Пока Локис ставил палатку и разводил костер, Эльза лежала на земле и была не в силах даже пошевелиться. Два дня пути по бездорожью, болотам и почти непроходимому лесу сделали свое дело. Она не думала, что будет так тяжело. Ноги были сбиты в кровь, плечи натерты лямками, мышцы ног словно закаменели. А Локису, казалось, все было нипочем. Вот и сейчас, после целого дня пути, он, не присев ни на минуту, хлопотал по хозяйству: готовил нехитрый походный ужин, разворачивал спальные в палатке. Только полностью обустроив лагерь, подошел к так и не сдвинувшейся с места Эльзе.

– Как ты? Сильно ноги болят?

– Болят, – коротко, стараясь скрыть злость, ответила она.

– Все ясно, снимай штаны, – потирая руки, сказал Локис.

– Это еще зачем? – чуть испуганно спросила Эльза.

– Иначе ты завтра не встанешь, будешь валяться в палатке как бревно, – ничего не объясняя, заявил Локис и принялся расстегивать ремень на ее брюках.

Растерянная Эльза чего только не подумала за то мгновение, которое он возился с пряжкой. Что он собирается сделать? Как себя вести с ним? Отказаться или не сопротивляться? А если сопротивляться, то как долго? Так, чтобы соблюсти приличия, или всерьез? И достаточно ли чистое на ней белье после нескольких часов непрерывной ходьбы? Какие только мысли не металась в голове. Наконец она пришла к выводу, что Локис не так уж и плох, да и мужчины у нее не было уже почти полгода, и приняла окончательное решение. Откинувшись, забросила руки за голову, опустила ресницы и с интересом наблюдала, как он будет действовать дальше.

Локис, покончив с ремнем, расшнуровал на Эльзе ботинки, осторожно, стараясь не причинить боль стертым ногам, стащил обувь, затем аккуратно снял носки. Резким движением стянул с нее брюки. Взял за щиколотки сильными сухими пальцами, поднял по очереди и внимательно осмотрел ступни. Хмыкнул, достал из одного из многочисленных карманов лежащего рядом рюкзака аптечку. Полил водой из фляжки, омыл Эльзе ноги. Смазал какой-то остро пахнущей мазью потертые места, бережно их забинтовал. Потом сполоснул руки, выдавил прозрачный гель, растер его между ладонями и начал потихоньку массировать напряженные икры, с каждым движением поднимаясь выше к бедрам и усиливая давление.

Разочаровавшись в первый момент, Эльза буквально через несколько секунд начала постанывать от острой, приносящей облегчение боли. Почти час Локис трудился над ее ногами. Эльза отдалась во власть его сильных рук. С каждой минутой ей становилось легче, стянутые в тугий узел мышцы расслаблялись и обретали подвижность. Ее захлестнуло желание отблагодарить этого удивительного человека, прижаться к его заросшей жесткой щетиной щеке, поцеловать руки, несущие блаженство, но, едва она попробовала приподняться, Локис властным движением опрокинул ее на землю.

– Лежи, не двигайся, старайся расслабиться. Просто думай о чем-нибудь приятном.

– Мне и так очень приятно, – ответила Эльза слабым прерывающимся шепотом.

– Вот и хорошо. Отдыхай, скоро будет готов ужин. Ты не вставай, я тебя усажу и принесу еду сюда.

Эльза была потрясена: с подобным обращением и с такой заботой она столкнулась впервые. После того как Локис плеснул в ее кружку неразведенного спирта и заставил выпить, голова пошла кругом. От усталости и опьянения Эльза перестала сознавать, что с ней происходит.

Сны ей снились светлые и радостные. Она видела словно со стороны, как Локис, почему-то в обрывке шкуры на бедрах, несет ее на руках, невыразимо красивую и беспечную, в полупрозрачном белоснежном одеянии, ослепительный свет заливает пространство, каменистая дорога под его босыми ногами сверкает, как после дождя. Она положила голову ему на плечо. Душа ее ликовала. Тело нежилось в мягком тепле. Дорога эта была бесконечной, Локис не знал усталости, он шел, нес ее на руках, и это продолжалось целую вечность.

Эльза прижалась к нему, стремясь поделиться той радостью, тем счастьем, которые испытывала сама. И... почувствовала грудью жесткую шерсть на его теле. Она медленно открыла глаза. Локис лежал на спине, его руки, сильные и уверенные, бережно поддерживали ее за бока. Она сама до пояса выползла из спального мешка и, почему-то совершенно нагая, прижималась грудью к его груди. Эльза смутилась и покраснела.

– Все в порядке, Эльза. Не волнуйся. Просто тебе приснился сон. И по-видимому, приятный, – мягко сказал Локис, по-прежнему не выпуская ее из рук.

– Это ты меня раздел? – все тем же прерывающимся шепотом спросила Эльза.

– Да. Я раздел тебя и упаковал в спальник. Сама ты раздеться не могла. Спала.

– Зачем ты меня раздел догола?

– Во-первых, чтобы тело отдохнуло, во-вторых, смазал мазью все потертости.

– Все смазал? – уточнила Эльза и опять покраснела.

– Эльза, я уже сказал, успокойся. Я не трогал тебя, если это так тебя беспокоит.

– Ты понимаешь, что мне стыдно?

– Не понимаю. Тебе нужно было помочь, я помог. Чего ты стыдишься? Ты что, у врача никогда не была?

– При чем здесь это, ты не врач! – возмутилась Эльза.

Казимир усмехнулся, отвел в сторону глаза:

– Забудь об этом. Все в полном порядке, ты можешь поспать еще хороший час, пока я буду готовить завтрак.

– Как же, поспишь теперь. Отвернись, мне нужно выйти, – надувшись, сказала она.

Локис послушно отпустил ее, перевернулся на живот, отодвинулся к стенке палатки.

– Далеко не ходи, по периметру в десяти метрах ловушки, – глухо сказал он.

Эльза не нашла своей одежды и выбралась из палатки как была – голышом. Солнце еще не поднялось над лесом: в лощине, по которой они пришли сюда вчера, стелился легкий туман. Воздух был по-утреннему свеж и звонок. Где-то в кронах деревьев проснулись первые птицы, они щебетали весело и беззаботно и радовались первым лучам долгожданного солнца.

Эльза проскользнула в палатку, зябко поежилась. Локис не обернулся. «Вот, вчера насмотрелся и теперь больше уже и не хочет меня видеть», – обиженно подумала она и юркнула в спальник.

– Не замерзла? – спросил Казимир и перевернулся на спину.

– Замерзла! Вот взял бы и обогрел! – возмущенно заявила Эльза.

Внезапно Локис повернулся, навалился на нее, прижал всем телом и сильно, невероятно страстно поцеловал в губы. Эльза едва не задохнулась от восторга. Оказывается, именно этого она так долго ждала! Едва она перевела дух, Локис горячо прошептал ей на ухо:

– Прекрати хулиганить, я и так едва сдерживаюсь. Нам еще нужно дело сделать.

Странно, но его слова словно возвели между ними некую стену. Все сумасбродные мысли разом упорхнули из головы Эльзы. Прямо в ее глаза глядели совершенно спокойные, невозмутимые серо-стальные глаза Локиса. Он резко, рывком вскочил и исчез за пологом палатки. Спустя минуту забросил внутрь рюкзак Эльзы и занялся костром.

Оставшись одна, Эльза чертыхнулась вполголоса и усмехнулась. Да, ничего подобного в ее жизни еще не случилось. В нем было столько огня, необузданной силы и страсти, что, оказавшись рядом с ним, Эльза невольно начала не только отогреваться, но и загораться сама. Она долго жила в Европе и привыкла к весьма сдержанному проявлению чувств. Даже занимаясь сексом, именно сексом, а не любовью с мужчиной, она не ощущала его страстности: можно было встретить весьма неплохую технику, но не настоящие эмоции. С Локисом у нее не было абсолютно ничего, но она всеми фибрами души чувствовала тот огонь, который пылал в нем. Казимир действительно вел себя очень сдержанно, не позволял собственным страстям взять верх над разумом, оттого она так и завелась. Конечно, нужно просто собраться и взять себя в руки. Но как же не хочется этого делать! Сейчас она прекрасно отдохнула и с наслаждением вспоминала его прикосновения, его сильные требовательные руки, которые мяли и массируют ее. И все тело заныло от желания повторить все снова. «Нет, и еще раз нет. Вставай, одевайся и не смей даже думать об этом. Работа сейчас главное. Если что у вас и получится, то после возвращения в лоно цивилизации», – мысленно приказала себе Эльза и стала доставать из рюкзака сменную одежду.

Гвоздь думал, что видел в своей жизни все, но то, что он увидел сейчас, вызвало у него неудержимую рвоту. Прямо возле избушки, на сорванной из петель двери лежало то, что совсем недавно было Гнусом. Тело было почти разорвано на две части. Нечто буровато-белесое, огромное, покрытое редкой шерстью, сидело рядом и, сыто чавкая, поедало внутренности напарника. Сизые кишки свешивались из окровавленной пасти, глаза чудовища были прикрыты от наслаждения. Гвоздь, сжав зубы, привалился спиной к сосне, выпустил с бедра длинную очередь в сторону Твари и с диким криком бросился бежать прочь. Споткнувшись, кубарем слетел к реке. Упал животом на камень, скорчился от боли, но перед глазами снова возникла картинка со жрущей Тварью. Его стало рвать. Мучительно, жестоко, казалось, желудок выворачивается наизнанку и лезет сам по себе изо рта. После того как рвота прекратилась, Гвоздь довольно долго лежал на камне и приходил в себя. Холодная вода лесной речки окрасилась кровью. Гвоздь не знал, чья это кровь. Только попытавшись умыться, понял, что кровь течет у него изо рта. Хотелось пить. Он сообразил, что ушибся слишком сильно, сделал над собой усилие и сел прямо в воду. Острая боль в правом боку хлестнула по нервам. Зачерпнул ладонью воду, сделал пару глотков. Холодная вода на время притупила боль. Собравшись с силами, Гвоздь поднялся, выудил из воды автомат и, опираясь на него, стал подниматься наверх. Боль не отпускала. Вскарабкавшись на откос, Гвоздь зло сплюнул скопившийся во рту сгусток и отомкнул магазин. Выщелкнул патроны, пересчитал их, с грустью покачал головой. Всего девять штук. Негусто. Остальные, если остались целы, лежат в избушке. Придется выручать боезапас, да и автомат нуждался в смазке, – того и гляди, подведет. Кривясь от пуль-

сирующей боли, он осторожно двигался назад – туда, где расстрелял почти весь рожок. Вот та самая сосна, у которой он стоял, когда увидел тело Гнуса. Валяется на траве сорванная с петель окровавленная дверь. Избушка с разбитым окном. Тела Гнуса Гвоздь не увидел. Сжав зубы от острой боли, Гвоздь подобрался к самой стене. Палец занемел на спусковом крючке. Внутри никого не было. Гвоздь оглянулся, шагнул в домик. Разворочено было все. Топчан Гнуса был разбит в щепки, полка, на которой хранились оставшиеся патроны, сорванная со стены, валялась у самой печки. Сами патроны раскатились по щелястому полу. Гвоздь опустился на колени, долго ползал, собирал их, набрал еще двенадцать. Остальные не нашел. В избушке гнусно воняло зверем. Гвоздя снова вырвало одной кровью. Он вытер лицо рукой, на четвереньках выполз на крыльцо. Легкий ветерок чуть освежил. Боль понемногу унялась. Он огляделся и вздрогнул. Прямо под ногами, на залитой бурым траве, валялись куски человеческого мяса. Гвоздь потянул из кармана размокшую пачку сигарет, с тоской посмотрел на нее, положил на крыльцо. Откинулся к стене, стал думать о том, как достать запасной автомат. Спрятанный на чердаке, он сейчас казался совершенно недостижимым... Сознание постепенно меркло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.